

“S ЗОЛОТОЙ РЫБЫ”

Сергей Сулин

СЕРГЕЙ СУЛИН

ЗОЛОТОЙ РЫБЫ

Роман двух авторов

18+

Сергей Сулин

S Золотой рыбы

<https://litres.ru/74091678>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это книга не о судьбе русского, родившегося в Молдавии, не о Чернобыльской катастрофе и её ликвидаторах, не о становлении художника в эпоху недоразвитого капитализма и не о происках потусторонних сил, хотя всё это в романе присутствует. Эта книга о любви и творчестве. О творчестве любви.

Содержание

ЗАТМЕНИЕ	13
1. В сумрачном лесу.	13
2. Возвращение	28
3. «У трёх покойников»	43
4. Ночной променад	56
5. Рок	67
6. Архивный работник в горячем деле	80
7. Записки старого провокатора	86
8. Кипишочек	92
9. Вдохновение	101
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Сергей Сулин

С Золотой рыбы

День длиною в жизнь. /Пролог/

«...что движет солнце и светила».

Данте Алигьери. «Божественная комедия»/

Молодая обнажённая женщина легко соскочила с постели, метнулась к распахнутому окну и замерла от восторга, увидав обновлённый после вселенского потопа Мир. Она оказалась в потоке лучей ослепительного утреннего солнца, и по её бедрам запрыгали легкомысленные зайчики, а тяжёлая грива тёмно-русых волос, обдуваемая свежим бризом, полыхнула живым пламенем. Неожиданно женщина обернулась и, поймав мой восхищенный взгляд, одарила в ответ нежной улыбкой...

Много дней кряда веселилась непогода. Холодный порывистый ветер гнал чёрные табуны волн в белых попонах пены и бросал их с неослабевающей силой на узкую полосу земли. Осажденное тяжёлыми тучами небо рыдало. Большие капли шлёпались в лужи, высекая пузыри, и бесцеремонно колотили в единственное окошко нашего «сказочного замка».

Ухватив лето за самый хвостик, мы вырвались на недельку

из нашего пыльного, прокалённого зноем города, сбежали на край Света от его повседневной суматохи и «исторических катаклизмов». Глухая деревушка в заповеднике на Кинбурнской косе, как ножом отрезавшей сине-стальную воду Чёрного моря от мутно-зелёной лужи Днепробугского лимана, стала на краткое время нашим прибежищем.

Мы поселились в ветхой лачуге среди источающих одуряющий аромат цветов. Вокруг, опьянев от влаги, буйствовала природа, волнуя фантазию и вызывая непреодолимый исследовательский азарт. И мы, одевшись потеплей и прихватив зонтики, каждый день отправлялись путешествовать по нашей «terra incognita». Бродили по залитым дождевой водой лугам, взбирались на макушки лысых курганов, спускались в заросшие густой травой воронки, оставшиеся после войны, собирали букеты туманного дельфиниума и отважно сражались с голодными комариными ордами, а однажды, смешно подумать, едва не заблудились в двух шагах от дома в лесополосе.

Нам нравилось гулять по берегу моря, с замиранием сердца наблюдая за шрапнельными взрывами прибоя и «водопролитной» битвой туч и облаков, чей окрас ежеминутно менялся от нежно-розового до чернильно-фиолетового. По дороге мы часто останавливались и целовались, ощущая на губах солоноватый привкус дальних странствий. На нас нисходило ощущение покоя и счастья, и казалось, что этому не будет конца. Порой мою подругу посещала летучая рифма,

и она надолго умолкала, прислушиваясь к себе. Стараясь не нарушать столь драгоценные для неё мгновения, я шёл рядом, всей душой впитывая фантастические образы окружающего нас «затерянного мира» и сожалея, что из-за нескончаемого ливня, не могу писать этюды.

Обычно мы возвращались из наших походов через почти опустевшую турбазу, где покупали свежеиспеченный хлеб. Иногда моя ненаглядная раскидывала картишки и гадала одуревшему от скуки женскому персоналу: «Что было, что будет, чем дело кончится, да сердце успокоится»... Благодарность продуктами разнообразила наше скромное меню.

По вечерам к нам на огонёк заходила хозяйка дома, и в преклонном возрасте красивая женщина, с ярко-васильковыми глазами на обожжённом временем лице. Дети её давно выросли и разъехались в разные края: местный рыбхоз развалился, и делать им здесь стало нечего.

Было странно чувствовать, как сжимается время, когда она рассказывала истории о море и Великой Отечественной войне, которая, как, наверное, казалось ей, только вчера сумасшедшим катком пронеслась по этим забытым Богом и людьми местам.

- Баржу затонувшую видели? Как же?! С пристани во время отлива всё ещё видно: корма из воды торчит - ржавая вся и пробоина в борту. На ней немцы раненых своих эвакуировали с косы. Для прикрытия местных посадили - стариков, детей. А у наших приказ: фрицев не пропускать. С материка

батарея и ударила. Так все вместе и погибли.

Мы угощали нашу хозяйку привезенным с собой красным домашним вином. Потом моя девочка настраивала гитару, и над пустынным берегом разносились мелодии военных лет. Напевшись и наплакавшись вволю, женщина уходила, а мы засиживались у открытого окна, наслаждаясь вечерней безмятежностью, густо настоянной на травах, море и дожде. Наши души сливались с причудливым разнообразием звуков и запахов Вселенной.

Так проходили эти неповторимые дни, служившие торжественной прелюдией к тем волшебным ночам, когда комната превращалась в храм, где мы совершали «священный обряд», тихонько посмеиваясь над детским лепетом «Кама-сутры». А потом, уставшие и оглушённые, лежали, крепко-крепко обняв друг друга, словно опасаясь соскользнуть в звёздную пропасть.

- Я люблю тебя. Спокойной ночи...

- Спокойной ночи. Я тебя люблю...

Уже под утро, когда мгла за окном начинала редеть, ладошка засыпала на моём плече, убаюканная музыкой дождя, а я подолгу ещё не мог сомкнуть глаз, разгадывая морзянку капли за тонкими стенами нашей фанерной крепости...

И всё же последний день нашего отчаянного побега ознаменовался блестящим солнечным утром...

Прислушиваясь к непривычной тишине за окном, я, затаив дыхание, наблюдаю, как моя подруга одевается, тщатель-

но расчёсывает волосы и наводит прозрачный макияж.

Когда соломенная шляпка с красной ленточкой наконец венчает торжественные сборы, мы, не задерживаясь, выскакиваем на улицу, где нас по-царски встречает природа, сверкающая алмазными россыпями капель.

Солнце припекает, пытаюсь взять реванш за время диктатуры дождя! Волны кротко ластятся к берегу, извиняясь за былые бесчинства. Радостно кричат чайки. Коса «безвидна и пуста» до самого горизонта. Крепко взявшись за руки, мы идём по самой кромке прибоя, ощущая себя Адамом и Евой пилотной серии самой первой мыльной оперы. Я кладу руку на горячее бедро возлюбленной и целую её в трогательный завиток волос на виске, потом в глаза, губы:

- Я люблю тебя, - шепчу слова молитвы.

- Я тебя люблю, - еле слышно вторит она.

Галактическая карусель на миг замедляет вращение, но, словно опомнившись, вновь набирает обороты. Вместе с ней движемся и мы, испытывая лёгкое головокружение.

- Будем купаться? - переведя дух, спрашиваю я и с опаской трогаю ногой воду - после недельного шторма она ледяная.

- Конечно! - слышу беспечный ответ, и милая, выскользнув из моих объятий, бросается в море. В порыве ревности к бескрайней стихии с воплем кидаюсь вослед. От нестерпимого холода перехватывает дыхание, и я позорно ретируюсь, с ужасом и восторгом наблюдая, как моя русалочка плещется на мелководье.

«Если материя, из которой сшита Вселенная, существует вечно, - думаю я, - то по теории вероятности тончайшие нити, из которых всё соткано, в бесконечности времени должны сызнова сплестись в знакомый узор. Это как возможность повторения рисунка мозаики из цветных стекляшек в детском калейдоскопе. И, быть может, через миллиарды лет мы опять будем идти по берегу моря... а, возможно, уже шли так когда-то, в безначальном прошлом»...

И снова мы шагаем по пустынному пляжу и громко поём от переполняющего чувства свободы. Поём, потому что молоды, влюблены и счастливы, потому что у нас впереди целая жизнь, прекрасная и длинная, как эта коса.

За нами тянется двойная цепочка следов, которую жадно слизывают голодные волны. Моя прекрасная «юнатка» то и дело останавливается и, опустившись на колени, с увлечением собирает разноцветные ракушки. Каждый необычный экземпляр, подброшенный щедрым морем, вызывает у неё бурный восторг.

К полудню мы добираемся до покосившегося деревянного сарая. Из распахнутых настежь ворот в воду спускаются полузасыпанные песком рельсы, а рядом на сваях висят истлевшие рыболовные сети. Лежащую неподалеку тупорылую железяку я поначалу принимаю за старый буй, выброшенный штормом, но при ближайшем рассмотрении это оказывается авиабомба второй мировой. Время её давно истекло, и сквозь многочисленные дыры в мятом корпусе выглядыва-

ют белые цветочки.

Вдохновлённые пустынным ландшафтом, мы решаем сделать несколько фотографий в стиле «ню». Моя несравненная натурщица мгновенно разоблачается, и я принимаюсь за работу. «Ню-ша, пойманная в сети», «Ню-ня в прибое», «Нюся, оседлавшая бомбу»... Синее море, белые облака, красивая женщина - в общем-то, ничего особенного в этих снимках нет... кроме одного - это М-О-Я-Ж-Е-Н-Щ-И-Н-А!!!...

Солнце обжигает плечи и слепит глаза. Изнемогая от жары, мы молча бредём вдоль берега. Впереди на нашем пути лежат продолговатые камни. Внезапно один из них меняет свою форму. У него появляется голова, перепончатые лапы и крылышки. Это дикая утка, и по её неуверенным движениям становится сразу понятно, что она чем-то больна. Другие «камни» остаются неподвижными. Над ними с громким гудением вьются большие зелёные мухи. Порывы ветра доносят тягостный запах тления. Потревоженная нами Серая Шейка, оберегая свою свободу, ковыляет по песку, ныряет в прибой и, преодолевая течение и немочь, с трудом плывёт среди волн. Я инстинктивно делаю несколько шагов, собираюсь догнать, вытащить на берег, спасти... и останавливаюсь, понимая всю нелепость своего порыва. Вскоре беглянка навсегда исчезает в тёмной пучине.

«Может, так и лучше, чем страдать от болезни и голода», - думаю я, но от этого на душе легче не становится.

Пораженные случившимся, мы спешно минуем пернатое

кладбище, которое даже любопытные чайки облетают стороной, и ещё долго потом молчим в окружении безучастно ликующей природы...

Солнце прилипло к небосводу, как блин к раскаленной сковородке. Смешные маленькие крабы при нашем приближении ловко зарываются во влажный песок. Впереди, словно выбросившиеся на сушу киты, лежат перевёрнутые вверх килем баркасы. Рядом - большая лужа, оставшаяся после шторма. Вода в ней тёплая, словно парное молоко, глубина - чуть выше колена. Мы долго бултыхаемся в этом «маленьком море», где в отражении облаков резвятся беспечные мальки и с чувством собственного достоинства парят грациозные медузы.

Наплескавшись вволю, смыв усталость и мрачные мысли, на горячем брюхе одной из лодок сервируем стол на две персоны для романтической трапезы при свете солнца. Любуясь линией горизонта, пьём водку из фляги и закусываем бутербродами.

Градусы, ударяя в голову, вызывают сладостное томление. Скинув остатки одежды и приличия, украсив себя чаячьими перьями, понатыкав их во все мало-мальски подходящие места, я исполняю перед моей суженой-обнажённой птичий танец любви (как я себе это представляю): высоко подбрасываю ноги, кручу головой, потом распускаю хвост, ломаю крыльями воздух и щелкаю клювом. И, - о чудо! - моя избранница, отвечая на призыв, идёт навстречу, изящно выги-

бая шею и трепеща перышками, в тихом шелесте которых угадывается что-то из Мендельсона. Это пробуждает неодолимое желание, которому невозможно противостоять. Закрываю глаза и замираю, чувствуя, как от коготков на моих лапках вверх по телу бежит горячая стремительная волна...

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Стою я у креста. Крест – церковная красота.

Крест мученикам похвала, а страждущим помощь.

Подойду к кресту поближе, поклонюсь ему пониже.

Защити и оборони от врагов и недругов, от их языков, их батогов, от их огня и меча, от напущения.

Господи, пошли благословение, чтоб стоял я непоколебим и несокрушим, как Святой Крест. Аминь».

Оберег от беды.

Читать раз вслух, раз шепотом, раз про себя.

ЗАТМЕНИЕ

Часть первая.

1. В сумрачном лесу.

Туман. Густой, словно кисель, туман окутывает стоящий вокруг глухой тёмный лес, клубится меж покрытых бурым лишайником влажных стволов, плывёт вдоль реки, стелется по заболоченным низинам...

И в моей голове тоже полный туман. Вот какой нынче год? А век?.. Впрочем, не всё ли равно, если я даже себя толком не помню. Хотя имя - кажется, знаю... Смутно припоминаю залитый полуденным солнцем город на холмах, утопающий в зелени лип, орехов и пирамидальных тополей. Там во дворах беспечно играет ребятня, сушится накрахмаленное бельё, да в больших медных тазах варится повидло из чернослива...

А ещё я вижу странные сны (хотя порой мне кажется, что я и не сплю вовсе) и особенно часто тот, где много моря, неба и ветра. Но моё ли это имя, и где такой город, и о чём эти непонятные видения?

Давеча Док с умным видом заявил, что у меня вероятно... Как его?.. Вот, я записал: «Амнезия в результате перенесён-

ного шока». И это, по его мнению, даже хорошо, потому что в прошлом иногда бывает та-ко-е, что его лучше и вовсе не помнить.

Наверно, он прав, но вот у меня ощущение, словно там, позади, я оставил для себя нечто очень важное... а, возможно, так никогда и не нашёл, и это, почему-то не дает покоя. Мне обязательно нужно выяснить кто я, узнать о себе правду... пусть даже и самую ужасную.

Когда я поведал об этом Доку, он задумчиво поскрёб свой отливающий голубизной подбородок и заявил, что если мне так уж это приспичило, то в первую очередь следует заставить работать мозг.

- Как-как? Да почём я знаю?.. Ну, например, можешь что-нибудь нарисовать. Возможно, это подстегнет твое воображение.

Я с сомнением пожал плечами. Док же покопался за пазухой и протянул мне альбом с пачкой карандашей.

- Попробуй, чем черт не шутит!

Чуть подумав, я изобразил на бумаге продолговатый булыжник, к которому пририсовал по бокам пару лопухов.

- И... что это? - оторопел мой наставник.

- Как что? Ванькин огород. Вишь, сплошные сорняки да камни, - объяснил я, с энтузиазмом закрашивая листья фиолетовым цветом.

В это время к нам, нетвёрдо ступая, подошёл и наш добрый хозяин - здешний лесник (заросший щетиной некази-

стого вида мужик в выгоревшей гимнастерке и в старой фуражке пограничника). Критически оглядев моё творение, он с усмешкой изрёк:

- Непохоже, у нашего Дока уши больше.

«Психолух» с досадой подергал себя за ухо и тут же выдвинул другую идею:

- А попробуй вести дневник (писать, как выяснилось, я всё же умею). Может, это разбудит память.

И вот теперь, следуя этому мудрому совету, я старательно извожу бумагу, благо на чердаке Ванькиной развалюхи нашлась целая стопка чистых тетрадей в клеточку.

Сам же лесник относится к моим занятиям с сомнением и зовёт самогоном «лечиться». Кстати, это он и подобрал меня где-то там, на опушке погружённого в туман и сумрак леса. По его словам, я был в совершенно невменяемом состоянии и всё норовил сунуть ему какие-то монетки, дескать, за беспокойство.

«Да какое, - говорит, - мне беспокойство, ежели от тебя одна только тень и осталась? В чём душа только держится, не пойму».

Хороший он человек, только пьёт сильно. А как наклюкается, достаёт из-за печки какую-то книжку, устраивается на берегу реки, читает и плачет. Я случайно заглянул в текст - писано не по-нашему (называется - я из интереса перерисовал незнакомые буквы: «*La divina commedia*»*), а про что, спросить так и не решился...

Он же шутки ради городит обо мне всякую чепуху. То я у него из сумасшедшего дома удрал, то от какой-то налоговой полиции здесь скрываюсь, а то вообще - беглый каторжник.

Док, слушая эти байки, лишь посмеивается. Он уже после меня сюда прибился. Утверждает, что по научной надобности, дескать, выслеживает какое-то необычное насекомое и, словно напоказ, ползает по поляне перед домом, размахивая большим сачком и лупой.

С ним давеча такая история приключилась. Мы баньку ладили. (Хозяин её в шутку «чистилищем» называет. Обязательно, говорит, помыться нужно, иначе в рай не пустят). Ванька дров наколол, я воды натаскал из речки, а Док только ценные указания давал, а потом и вовсе со двора смылся - у его букашки, оказывается, гон начался - во как!

Ну, мы с Иваном печь растопили и в парилочку забрались, душу отвести. А тут и Док пожаловал с мочалкой, ржавым тазиком (где только раздобыл?) и голый до неприличия. Мы тоже, конечно, но он как-то особенно: длинный, худющий, лопатки, словно обрубки крыльев, торчат, тело белое, безволосое - в общем, глиста глистой, ей-богу. Я от неожиданности-то рот раскрыл да на раскалённые камни ковш с водой и опрокинул: шипение, пар - ничего не видно, жара такая, что дыхание перехватывает. Мы-то с Ванькой сдюжили, а вот у нашего учёного друга кишка тонка оказалась: заорал, на четвереньки бухнулся и на улицу - только задница в тумане сверкнула... Станный он малый - нашей парилки совсем не

уважает.

Ну вот, значит, сижу я себе на трухлявом крылечке и царапаю в тетрадк всякое-разное. Да только, по правде говоря, писать-то здесь не о чем: кругом сплошной туман, в котором едва различимы паром у переправы да обвалившийся плетень огорода, а противоположный берег реки так вообще не виден.

К месту - о пароме (здоровенное такое корыто армейского образца). Я поинтересовался у лесника, зачем он здесь, ведь сюда и дороги-то не проложено. Тот, поигрывая ножичком, снисходительно объяснил, что иногда приходится забредших туристов на другой берег переправлять, на пикник, значит...

Теперь об этом «ножичке». Он широкий и острый как бритва, а вдоль лезвия бороздка идёт, для стока крови. Хозяин заливает, что с этим самым тесаком один на один на пещерного медведя хаживал «и на других гадов», а для убедительности царапины на рукояти демонстрирует.

Чёрт его знает, быть может, и не врёт. Но мне-то от этой информации никакого проку, поскольку ни на какие такие воспоминания она не наводит. Я вот думаю: может, начать свои сны записывать? Там хоть солнышко есть и ветер, а здесь всегда сыро и зябко, лишь мокрицам с червяками да Доку раздолье.

А вот, кстати, и он ползёт с гордо поднятой головой, лёгок на помине. Да и Ванька - леший из «берлоги» выбрался. Сви-

стом подозвал Цербера, чёрного, как закопчённый котелок, пса, и дал тому вылизать свою грязную миску (это так он её «моет», слюна, говорит, у собак стерильная). Потом щелчком выбил из пачки сигарету, прикурил и стал, как обычно, допытываться:

- Ну, Душа неприкаянная, чего навспоминал?

Он приставучий, как репей, и, чтобы поскорее отделаться, я начинаю с ходу сочинять всякие небылицы:

- Пригрелся мне, братцы, странный сон. Как будто я в каком-то балагане. Идёт представление. По ходу действия актёры крушат декорации, орут и дубасят друг друга почему-то зря, а зрители шуршат фантиками и жуют попкорн.

- Дурнэ спыть - дурнэ snyться, - комментирует лесник мои враки, а Док лишь покусывает сухую травинку и многозначительно улыбается.

- А ещё померещилась огромная чёрная корова, которой все поклоняются и человеческие жертвы приносят.

- Ну ты и заливаешь! - восхищается моим враньём Иван, а наш естествоиспытатель по-прежнему отмалчивается. Это равнодушие к моему устному творчеству начинает злить, и я, чтобы хоть как-то его поддеть, с невинным видом сообщаю:

- Сдаётся, Док, что я и тебя видел в том сне - во фраке и при бабочке (брови жуковеда лезут вверх). Ты взмахнул дирижёрской палочкой, и солнце померкло, и день превратился в ночь, и вода стала...

- А на голове у меня, случаем этих... рогов не было? - це-

дит лысый, словно колено, натуралист, и его нестандартные уши краснеют.

- Да будет вам! - примиряюще говорит Иван, и мы надолго умолкаем.

- Слышь, Док, ты ведь что-то обо мне знаешь? - наконец задаю я давно мучающий меня вопрос.

- От тебя ничего не скроешь, товарищ, - обречённо вздыхает он, - слушай (наконец-то! - я подаюсь вперёд, сердце замирает):

- До недавних пор ты торговал арбузами на базаре. Был четырежды женат. У тебя семеро законных детей, двое из которых точно твои, и один ребёнок от любовницы. Кстати, славный такой малыш, на тебя похож, ... только чёрненький. Здесь прячешься от алиментов.

- Постой-постой, - с негодованием перебиваю его, - это не моя биография!

- Разве? - неискренне удивляется Док, и его асимметрично посаженные глаза начинают попеременно моргать. - Так, может, я всё это выдумал?

- Конечно!

- Ладно, не хочешь иметь четырех жен - и не надо, настаивать не буду, - подозрительно быстро соглашается он. - Каждый сам пишет свою судьбу. Так что давай сочиняй, не стесняйся, отпусти воображение.

И я его отпустил...

*

Каменная равнина мерцала в неверном свете луны. Загадочно меняя перспективу, горизонт кромсали далёкие молнии. Реальность переплеталась с вымыслом, фантазия соперничала с правдой. Простирающийся предо мной пейзаж казался странным, непонятным, тревожным. Он мог бы даже понравиться, если б не выглядел столь безжизненным.

Я решил тут же исправить это упущение. Мысленно перебрал свои старые задумки, остановился на «Лодочнике». Мне уже давно хотелось поближе познакомиться с этим загадочным персонажем, и я принялся вспоминать детали разработанной когда-то композиции. Словно из тумана выплыла картинка: глубокое, чёрное, будто перевёрнутое, ночное небо, озеро, белая лошадь, бегущая по его берегу, и закутанная в плащ долговязая фигура на корме утлой лодчонки...

Неожиданно, заставив вздрогнуть, до меня, словно эхом из другого измерения, донёлся мужской голос:

«Так продолжаться больше не может! Решай: или я - или он!»

На это требование откликнулось женское вкрадчивое меццо-сопрано:

«Я не хотела принести тебе столько страданий. Прости меня за всё!»

Снова мужской баритон:

«Без тебя невыносимо! Да я с ума сойду! Сколько можно ждать?»

И опять женский голос:

«Я обещаю: ещё немного, и мы будем вместе...»

Я завертел головой, стараясь обнаружить источник звуков, но вскоре сообразил, что незаметно для себя с сюжета картины переключился на события личной жизни и сам же вслух, к тому же на два голоса, подаю эти, словно из давно набившего оскомину водевиля, реплики. Только успел порадоваться, что вокруг по-прежнему нет ни души, в отличие от многолюдных улиц родного города (где такое со мной тоже случалось), как тут же обнаружил, что уже некоторое время шагаю по глубокому следу, оставленному гусеницами какой-то тяжёлой машины. Я уж было собрался не на шутку рассердиться на незваного гостя за порчу девственного ландшафта моего сокровенного Мира, как дорогу мне преградил глубокий обрыв, и я едва с него не сорвался...

*

Исписав всякой ерундой целую стопку тетрадей, но так ничего и не вспомнив, я упросил Дока поглядеть мои каракули в тайной надежде, что он-то уж сумеет их правильно истолковать.

Мы устроились на ржавой палубе парома. Кругом стоял туман. За бортом слышалось громкое журчание воды. В ожидании своего «приговора», я крутил ручку настройки старенького Ванькиного приёмника, но из его динамика раздавались лишь треск разрядов да невнятное бормотание.

- Тэ-эк, тэ-эк, тэ-эк... ну это, положим, я уже где-то слы-

шал... а здесь, чувствуется, писано с натуры... а тут чистой воды фантазия... - бурчал себе под нос новоявленный «критик», бегло просматривая мои записи. - В общем, по всему выходит, старичок, что ты у нас, того... творческая личность.

Я обречённо вздохнул, зачем-то вывел на чистом листочке слово «творческая» и стал украшать его затейливыми завитушками.

- Да, вот ещё что: в твоём... э-э-э сочинении уж слишком много уделяется внимания пьянкам и бабам, так, знаешь ли, никакого здоровья не хватит.

«Интересно, откуда он это взял?» - изумился я, но на всякий случай начертил рядом: «бабы» и «пьянка».

- Так что могу обрадовать: судя по всему, у тебя ярко выраженное раздвоение личности и невращения на сексуальной почве, - поставил окончательный диагноз мой «психиатр».

Я брякнул откуда-то всплывшую фразу:

- От сумасшествия до гениальности всего один шаг.

Док хмыкнул:

- С такими ошибками в правописании гениальность тебе точно не грозит.

Он заглянул мне через плечо:

- Это хорошо, что конспектируешь. Можешь ещё занести в свои скрижали... - он задумался на мгновение, - ну, скажем: «Мрак космической бездны».

Я решил, что он издевается, и уж было собрался высказать всё, что думаю по поводу этого умника, но здесь внезапно заработало радио и сообщило загробным голосом местные новости: «В Сумрачном лесу открыт туристический сезон», потом поведало прогноз погоды: «Над всей Землёй безоблачное небо»; затем передало привет какому-то Кипишочку от его «старинного друга» Апишкулька и под конец напомнило, что грешнику попасть в рай, всё равно что верблюду пролезть в игольное ушко.

Обсудить услышанное нам с Доком так и не пришлось, потому что где-то в тумане раздался радостный лай Цербера, и к берегу причалила лодка лесника. Вместе с Иваном из неё выбрались два чудика, одетые в обгоревшие оранжевые скафандры. Заросшие библейскими бородами мужички с диким видом озирались по сторонам и вовсю матерились. С опухшими словно после хорошей попойки рожами они были схожи меж собой, как пара валенок. И звали их тоже одинаково - Протонами, правда, под разными номерами. Хозяин объяснил, что встретил этих бедолаг в лесу, почти на самой границе (здесь, оказывается, где-то неподалеку граница проходит). Связавшись веревкой, они ожесточенно продирались сквозь бурелом. На вопрос «Кто такие?» дружно отвечали, что космонавты, что потерпели аварию и теперь пробираются в Кремль с донесением.

- По-моему, они... - Иван украдкой постучал себя по лбу.
- Но, в общем, ребята неплохие, вот я и прихватил их с собой,

пускай подхарчатся.

Пока наши гости, обжигаясь, ели гречневую кашу, выгребая её из котелка прямо грязными пальцами, я пристроился в сторонке и принялся поспешно изводить очередную тетрадь, записывая увиденное.

Всё же хоть какие-то впечатления.

*

Чудом избежав падения, я остановился на самом краю провала, вдоль которого рос, будто вырезанный из жести, сухой колючий кустарник. Здесь след гусениц обрывался. Я с опаской заглянул вниз. В центре гигантской впадины покоилось озеро. Над его чёрной зеркальной поверхностью клубился сизый туман, а дальняя сторона скрывалась во мраке. У самого берега торчало сухое, обнаженное дерево, корявые ветви которого тянулись к близкому небу. словно в замедленной киносъемке, освещенная лишь мерцанием звезд, по мелководью неслась, поднимая фонтаны брызг, белая длинногривая лошадь...

Оскальзываясь, я спустился с кручи и, не обнаружив ни малейших следов катастрофы (машина словно растаяла в воздухе), устроился на берегу в ожидании созданного мной воображением Лодочника. Стянув кроссовки, я с наслаждением сунул гудящие ноги в прохладную воду и, с интересом поглядывая на пасущуюся невдалеке белогривую конягу, вновь стал прикидывать, кому это понадобилось незаконно здесь шлаться, сбивая меня с толку. В голову ничего

путного не лезло, кроме навязчивой мысли, что это кому-то здорово нужно.

Вскоре над краем обрыва показалась Луна. Легкий ветерок разметал клубы тумана, и на противоположном берегу стали видны какие-то развалины. Пока я их разглядывал, словно из ниоткуда, вынырнула лодка и бесшумно ткнулась рядом со мной в гальку. На корме с веслом в руках сидела закутанная в тёмный плащ долговязая фигура. Казалось, что под надвинутым капюшоном скрывается мрак космической бездны...

Перебравшись на противоположный берег озера, у подножья громящихся руин мы с Лодочником развели костёр. До самой зари этот странный тип развлекал меня разными сказками, а под конец поправив синюю накладную бороду, произнёс загадочную фразу: «Все победы будут даваться тебе легко и просто, зато поражения - с превеликим трудом. Запомни это, парень».

Я, конечно, запомнил.

Когда же первые лучи утреннего солнца разогнали окружающие нас густые тени, мой ночной собеседник засобирался. «Ещё встретимся», - многозначительно пообещал он, сверкнув на прощанье из «бездны» двумя небесно-голубыми точками. Затем забрался в челнок и оттолкнулся веслом от берега. Помахав на прощание, я развернулся и через лабиринт замшелых камней в густых зарослях ежевики побрёл прочь...

*

Ну объясните мне на милость, это что - лесная глушь или какой-то проходной двор? Ванька - добрая душа, привечает всех, кого ни попадя. Мы с Доком ещё ладно: он здесь по учёной части, а я так вообще ничего не помню и поэтому не в счёт. Но уже после нас здесь появились эти покорители космоса. Вслед за ними приبلудился какой-то совершенно голый, волосатый субчик, назвавшийся... секунду, вот: «недостающим звеном в цепи человеческой эволюции». Потом неизвестно откуда пожаловала целая орава увешанных стеклянными бусами папуасов. А что вы скажете по поводу прибившейся к нам пожилой цыганки с двумя пацанятами, да к тому же и беременной?.. Словом, всех сразу и не упомнишь. Народ так и валит сюда, словно мошкара на свет лампы.

А сегодня утром к Ваньке вдруг нагрянула какая-то важная комиссия из Департамента Речного Хозяйства. Её члены добрались к нам по реке на плоту и все были сплошь в белых одеждах (форма у них там, видишь ли, такая). Сначала они вместе с Иваном сверяли какие-то длинные списки, спорили и, кажется, даже ругались, затем придирчиво осматривали паром и обследовали саму переправу, а под вечер, умявшись от дел праведных, гурьбой завалили в баньку, где за компанию с хозяином и надрались до полной невменяемости. Кстати, меня товарищи из центра всю дорогу почему-то принимали за местного дурочка, делали «козу» и угощали

конфетами.

Когда же высокие гости на ночь глядя отбыли, я забрался на чердак нашей избы, собираясь в тишине и покое записать свои дневные впечатления, и обнаружил здесь запропавшего Дока, который, зарывшись с головой в сухую солому, преспокойно спал. И вот теперь, не обращая внимание на отдалённые звуки тамтамов, в которые не переставая стучат папуасы, и храп ушастого энтомолога, я усердно извожу бумагу.

Будоража воображение, странные мысли и неясные образы теснятся в моей больной голове; нужные слова сами всплывают неизвестно откуда и складываются в предложения, и я с удивлением ощущаю в себе непонятную лихорадку попережку с блаженным чувством полёта...

2. Возвращение

Как с холма летит, аж свищет,
когда на холм, надсадно дышит.
Поговорка*.

При ближайшем рассмотрении окружающие меня руины оказались вовсе не заброшенными: кусты ежевики были аккуратно подстрижены, а лабиринт между камнями посыпан жёлтым песочком. Как вскоре выяснилось, эти развалины являлись действующим Святилищем. Об этом мне поведал встреченный по дороге крепенький, словно гриб маслёнок, мужичонка, который в звании преподобного отца (он сам так отрекомендовывался) служил при этом живописном месте.

- Такая архитектура была задумана самим Зодчим, - с видом заправского гида сообщил он мне писклявым голосом. - По Его мнению, разрушения заставляют человека задуматься о бренности существования и вспомнить о Душе... К сожалению, сейчас посетителей у нас немного. Не сезон. Последним незадолго до вас был какой-то странный тип на вездеходе... А вы, кстати, не желаете осмотреть наши реликвии? Хотя сегодня у нас и выходной день, но для вас я могу сделать исключение.

Служитель провёл меня в самый «эпицентр взрыва» на

очищенную от каменного мусора площадку, над которой густым темно-бордовым сводом нависали кроны деревьев. С трудом проникающие сюда солнечные лучи бликовали в стёклах установленных здесь витрин, за которыми были видны какие-то предметы.

- Тут у нас собраны артефакты, принадлежавшие некогда самому Создателю! - благоговейно пояснил преподобный.

Приглядевшись, я с изумлением обнаружил среди прочего хлама хорошо знакомые мне вещи. Здесь находились, к примеру, поломанный самокат, на котором я когда-то гонял, старые кроссовки, сношенные мной ещё в школе, и даже боксерская груша, подаренная отцом.

Я также углядел и одну из своих старых картин, бесследно исчезнувшую с какой-то выставки. На ней были изображены в карточном противостоянии два закованные в броню воина с поднятыми для битвы мечами.

- Да-да-да, и эта святыня также у нас, - по-своему истолковав моё удивление, пояснил смотритель «развалин» и с трепетом в голосе добавил: - По преданию, на этой картине Творец в аллегорической форме отобразил извечную борьбу Добра со Злом, происходящую в каждом из нас (он с умилением посмотрел на мою работу). Да вы только подумайте - эти мазки на холсте оставлены самим Создателем!

Я согласно кивал, смутно припоминая, как когда-то мазал этот непонятно откуда здесь взявшийся «шедевр». Кажется, то было как раз в самый разгар наших «высоких» отношений

с Марикой.

- Есть у нас и другая замечательная реликвия, - продолжал свою экскурсию преподобный.

Он с величайшей осторожностью открыл стоящий на специальной подставке кованый сундучок, и я увидел лежащую в нём на тёмно-синем бархате беспалую велосипедную перчатку, измазанную масляной краской.

- Имея её на руке Творец создал наш Мир, - с гордостью пояснил служитель, заметив моё недоумение. - Есть давнее поверье, что когда в назначенный срок Он явится повторно, то обязательно придёт сюда и...

В этот момент я, совсем не желая того, совершил страшное «святотатство»: вспомнив, как когда-то на этюдах в тайге, спасаясь от комариных укусов, одевал этот «артефакт», взял да и натянул его себе на руку.

- Что вы делаете?! Немедленно снимите! - в ужасе закричал зритель срывающимся голосом.

Осознав свою оплошность, я попытался стянуть злополучную перчатку, но та не поддавалась, словно прикипел к запястью.

- Не получается! - в ужасе сообщил я.

- Не может быть! Дайте я сам попробую! - возопил мой экскурсовод и принялся изо всех сил помогать. Я уж было решил, что останусь без кисти, но он вдруг отступил, как-то странно посмотрел на меня и бухнулся на колени...

Чуть позже, когда мы сидели в маленькой келье и потя-

гивали сладкую наливку, служитель культа Перчатки сказал мне, хитро подмигивая:

- Ну теперь и каша заварится!

- Какая ещё каша? - не понял я.

- Да как же, как же? - загорячился преподобный, опять мне подмаргивая. - Это же самое настоящее ПРИШЕСТВИЕ! Столько лет ждали... Надеялись... Создатель, мол, придёт и лично всех рассудит... Нет, без хорошей «каши», уж поверь мне (после своего «открытия» он панибратски перешёл на «ты»), теперь точно не обойдётся.

- А чего это, отче, вы мне всё время моргаете? - поинтересовался я.

- Боже ж ты мой, - сконфузился мужичок, - это у меня глаз дергается от волнения. - Да кому сказать, что Сам... у меня... наливочку... В жизнь не поверят.

- А вы вполне уверены, что я - это Я и есть? - подначил я его.

И тогда в подтверждение своей версии смотритель открыл лежащую тут же на столе закапанную свечным воском толстенную рукописную книгу, которую не преминул обозвать «священным писанием» и стал нараспев читать. И здесь я с изумлением услышал выдержки из своего собственного дневника, который давным-давно забросил:

«Вначале нарисовал я небо и Землю, потом море и Солнце, зверей и птиц и всякую всячину. И увидел я, что это хорошо, и решил отметить столь знаменательное событие ста-

каном доброго вина в кабачке на углу только что созданного мной Мира. И был вечер, и было утро, а между ними ночь любви»...

Я смутился. Мне было стыдно за свою юношескую самоуверенность. А зритель, не замечая этого, захлёб продолжал читать избранные отрывки «из меня»:

«Художник создает целые Миры. Это сказочное, ни с чем не сравнимое чувство. Тот, кто хоть раз попробовал этот «наркотик», без него уже не может жить и стремится поделиться своими ощущениями с другими, добывающими хлеб свой насущный в поте лица, а не в поте Души».

- Вот видишь, здесь о Тебе всё сказано! - устремив на меня горящий взор, произнёс мужичонка. - И опять же перчатка... Какие тут могут быть сомнения?

- Сдаюсь, разоблачён, - вздохнул я, скромно потупившись. - Действительно, это Я. Только необессудьте, никакой «каши» сейчас не получится. Я здесь инкогнито. Как-нибудь в другой раз.

Преподобный искренне огорчился и я, стараясь смягчить свои слова, подставил ему опустевший стакан:

- Настойка у вас уж больно хороша, отче, плесните-ка ещё...

*

Когда среди ночи я вдруг проснулся, в келье никого не было. Спать больше не хотелось, и я вышел на свежий воздух. Освещая развалины, в небе дозревала луна. Меня здесь

больше ничего не удерживало, и я решил прямо сейчас, не дожидаясь рассвета, отправиться в путь. Но перед дорогой мне забажалось ещё раз взглянуть на свою полузабытую картину.

В хранилище, отражаясь в стёклах витрин, горели многочисленные свечи. И в их мерцающем свете мне вдруг показалось, что моя старая работа была изначально предназначена для этого удивительного места. Я не удержался и на прощанье прикоснулся к её шероховатой поверхности всё ещё закованной в велосипедную перчатку рукой. И в то же мгновение, словно попавшийся на взломе вор, оказался в ярком луче света.

Из окружающей меня темноты послышался чей-то, звучащий словно из бочки, голос:

- А вот и наш мазилка! Ха-ха! Решил, значит, поиграть в Создателя? Дело, конечно, твоё, но зачем, скажи на милость, ты ещё и других смущаешь разговорами о «высоком предназначении»? А если кто-то тебе поверит и потом всю жизнь маяться будет из-за своей несостоятельности?

Тьма раздвинулась, и на залитый пронзительным светом пятачок шагнул рыцарь, закованный в блестящий, словно ртуть, панцирь. Он угрожающе держал перед собой большой двуручный меч.

От неожиданности я попятился, но вдруг обнаружил, что и на мне есть рыцарские доспехи. Цвет лат был золотой.

- Неправда, ржавая консервная банка! - почувствовав уве-

ренность, энергично запротестовал я. - Все люди изначально ТАЛАНТЛИВЫ и рождены для ТВОРЧЕСТВА.

- Ты и правда так считаешь и готов отстаивать свои убеждения?

- Да! - воскликнул я, силясь разглядеть за надвинутым забралом лицо своего противника.

- Что ж, тогда принимай бой! - и он поднял над головой свой клинок.

Мы закружили по освещённой площадке, нанося друг другу разящие удары. Но к сожалению, моя практика владения холодным оружием сводилась лишь к нескольким поединкам на палках в далёком детстве, и поэтому уже через несколько минут мой противник хитрым приёмом меня обезоружил.

- Ну что, сдаёшься? - спросил он, нагло помахивая перед самым моим носом остриём своего меча.

- Нет! - заявил я и, выставив вперёд сжатые кулаки, принял боксёрскую стойку.

- Знал, братец, что ты глуп, но не догадывался, до какой степени. В таком случае сам напросился. Ступай, там тебя уже ждут, - насмешливо проворчал «серебряный» и откинул своё забрало.

Но увидеть, кого скрывает рыцарский шлем, мне так и не довелось, потому что в то же мгновение я оказался совсем в другом месте и в иное время. Золотых лат на мне как не бывало, лишь до боли стягивала кисть испачканная масляной

краской велосипедная перчатка.

Был солнечный ветреный день. Преду мной расстилось широкое поле, густо усыпанное созвездиями одуванчиков. А дальше возвышался холм, весь в разноцветных квадратах, словно покрытый лоскутным одеялом. И оттуда, как мне показалось, донеслось моё имя.

Прикрыв ладонью глаза от слепящего солнца, я внимательно оглядел высоту. На самой её вершине, на фоне безоблачного неба отчётливо вырисовывались три буквы «Т», на двух из которых хорошо были видны распятые тела. Третья «литера» многозначительно пустовала.

Мне стало не по себе - значит, вот что имел в виду «серебряный» рыцарь... Нет, господа, давайте разберёмся... В конце концов, в чём вы меня обвиняете? Подумаешь, нарисовал деревья красными, небо зелёным, а солнце фиолетовым. А если я так чувствую? За это ведь не казнят? Или всё же...

От такой перспективы у меня начало сосать под ложечкой, во рту появился металлический привкус, а ноги стали ватными. Конечно, легко быть смелым в непробиваемых доспехах, вооружённым тяжёлым обоюдоострым мечом. А тут...

Я стал прикидывать возможные способы увильнуть от ответственности.

Невидимым стать не удастся, это понятно. И справку, что я якобы дальтоник, тоже взять негде... Что если обойти этот бугор стороной? Там, кажется, по краю и тропинка есть... до общественного сортира... а потом можно через выгреб-

ную яму и ползком, по сточной канаве... Бррр! Так может, напрямик, через вершину? Заявлю палачам, что я - турист, нагло потребую в качестве сувениров несколько гвоздей от эшафота и - бочком, бочком...

Вдруг на моей руке отчетливо запульсировала перчатка, явно напоминая о том, что я совсем недавно с таким пафосом говорил на ристалище сопернику. Мне стало стыдно за своё малодушие, и я, сжав зубы, медленно побрёл по направлению к проклятой горушке, сбивая враз отяжелевшими кроссовками головки одуванчиков.

С приближением к её подножью цветы совсем исчезли. «Заплаты» на истоптанном склоне постепенно превратились в торговые палатки и прилавки под разноцветными навесами, где китайскими болванчиками восседали продавцы в окружении суетящихся клиентов.

И хотя моего имени здесь никто, конечно, не скандировал, а в переплетении натянутых тентов исчезли из виду и страшные «буквицы», перчатка, словно наручником сковавшая моё запястье, продолжала тащить вверх - к уготованной мне участи.

Но когда я, преодолевая сопротивление «окружающей среды» и свой страх перед неизбежной расплатой, наконец добрался до самой макушки, там, к моему изумлению (и, я бы даже сказал, некоторому разочарованию) было пусто - только ветер гонял измятую газету, да какая-то ветхая старуха копалась в мусоре.

В растерянности я стал озираться по сторонам.

- Эй, милоч, потерял чего? - спросила меня бабка пропи-
тым голосом.

- А-а-а... э-э-э... - не находя слов, я стал тыкать пальцем
в сторону пустого эшафота.

Старуха с удивлением воззрилась на меня

- А кресты, кресты где? - выдавил я.

- Ещё один! - всплеснула руками старуха и стала выгова-
ривать: - Угомона на вас, чертей, нетути. Вишь, тракцион се-
бе устроили - дреналин вырабатывать...

Но, заметив моё состояние, всё же смягчилась и пояснила:

- Опоздал ты. Сегодня всё уж закончилось. Эти мазакисты
ивентарь свой собрали и отвалили. Завтра, слышь, приходи,
с утра пораньше. Здесь очередь. Хошь повисеть, записывай-
ся. А то, если желаешь, я за тебя ночью подежурю, так во-
обще первым будешь. Денежки-то есть? Эй, слышь, ты куда
это? Постой!

Но я уже развернулся и нетвердо ступая побрёл прочь...

Загадочный Лодочник, развалины Храма, «серебряный»
рыцарь и «Голгофа» остались далеко позади. Я возвращал-
ся домой: переходил из этюда в этюд, перепрыгивал из на-
бросков в зарисовки, плутал по эскизам - не ища дороги, не
выбирая направление и вдруг, неожиданно для себя оказал-
ся в заброшенном яблоневом саду. В воздухе витал пьяня-
щий запах перезревших фруктов, которые, срываясь с веток,
мягко шлёпались на землю. Сорвав один большой и жёлтый

плод, я с наслаждением растянулся в густой траве, позволив себе напоследок почувствовать красоту этого Мира: увидеть запах цветов, услышать голос бездонного неба, отведать на вкус проплывающие облака.

«Может, когда-нибудь и впрямь остаться здесь навсегда?» подумал я, разомлев под фиолетовым солнышком. - Устроюсь младшим помощником старшего дворника при Святылище самому себе (не откажут, поди?). Утром буду подметать двор, днём писать пейзажи, а по вечерам, под задушевленную беседу с преподобным попивать наливочку...»

На этой оптимистической ноте я незаметно для себя задремал, но вскоре очнулся от звука чьих-то шагов. Меж чёрными корявыми стволами мелькала стройная девичья фигура в лёгком ситцевом платье. Мне показалось, что незнакомка читает стихи. Затаив дыхание, я прислушался, но налетевший порыв ветра унёс её голос, и сама она растворилась в яблоневом аромате...

Переход из Мира моей фантазии в Мир реальный получился, как всегда, внезапным и отчасти напоминал обрыв киноплёнки. Ещё мгновение назад я беспечно валялся на травке, поглощенный игрой воображения и вдруг - бац! - оказался стоящим на широкой магистрали, обдаваемый выхлопными газами проносащихся мимо автомобилей. Отсюда, с шоссе, хорошо просматривался расположившийся впереди на холмах мегаполис, чей неповторимый контур я знал с самого детства. Это был мой родной город - Вишёнки. Он

являлся столицей древнего Княжества с одноименным названием (а в недалеком прошлом и одной из «братских республик», на которую в одночасье обрушилась независимость в результате распада СССР) и располагался почти в самом центре Европы.

С изменением геополитического статуса Княжества произошли и коренные изменения в жизни его жителей. Повсеместно переходило в частную собственность то, что все привыкли считать общественным достоянием. Закрывались заводы и фабрики, школы и библиотеки. Процветали национализм, коррупция и взяточничество. Свирепствовали инфляция, безработица и повальная эмиграция. Пришли в упадок медицинское обслуживание и образование. Старики уже не надеялись на обеспеченную старость. Выворачивались наизнанку моральные ценности. Зато, словно грибы после дождя, появлялись банки и рестораны, дорогие магазины и роскошные особняки. Беспринципность политиков и холуйство чиновников становились национальным «достоянием». В подражание итальянской, вырисовывалась местная мафия.

Город по-прежнему был «цветком из камня», но «белым», как прежде, увы, уже не казался. Его улицы, по которым я так любил гулять в юности, не рискуя наткнуться на лозунг: «Чемодан, вокзал, Россия!» и «Аич ну се ворбеште русеште!» *, теперь заполонили нищие, проститутки и наркоманы, бандитствующие бизнесмены и бизнесменствующие бандиты, а также «голубые», «коричневые» и серо-буро-малино-

вые.

Но ещё там были родные и близкие мне человеки, старые друзья и просто добрые знакомые. И от предвкушения скорой встречи с ними, сердце моё забилося сильнее, а на душе стало светло и радостно...

Быстро вечерело. Я торопливо потопал по обочине дороги в сторону печёного яблока солнца, словно на прутик, насаженного на башню Телецентра. Добравшись до ближайшей остановки, вскочил в проходящий троллейбус и сразу же окунулся в атмосферу «салонной жизни» от сумятицы которой за время своего отсутствия признаться, успел отвыкнуть. Озирался по сторонам и чувствовал себя, словно выброшенная на берег рыба.

Пока ползли к центру по забитым транспортом улицам, стемнело, и за окнами вспыхнули фонари и разноцветные огни неоновой рекламы. В районе пьеса Чентралэ* троллейбус вдруг остановился, и шофёр, высунувшись из кабины, хмуро объявил, что машина дальше не пойдет. Пассажиры, возмущаясь, потянулись к выходу.

Из-за образовавшейся пробки на улице было настоящее столпотворение: гудели автомобили, орали друг на друга водители, ругались прохожие. Меня сразу же подхватило плотным потоком пешеходов и помимо воли повлекло по проспекту Великого Стефана. Судя по озабоченно-восторженным лицам сограждан, в городе что-то происходило. С трудом выбравшись из толпы, я залез на высокое крыльцо бли-

жайшего дома и оттуда постарался разглядеть, что впереди. Оказалось, что я, как с корабля на бал, угодил на очередную разборку между оппозицией и нашим Господарём*. Основное действие этого «спектакля» под громким названием «Революция», разыгрывалось при свете прожекторов на широких ступенях МВД, куда агрессивно настроенной «массовке», состоящей, в основном, из молодёжи под предводительством крепких мужчин в одинаковых кожаных куртках, удалось загнать немногочисленную группу «актеров» в погонах. Полицейским, из-за серебристых касок и прямоугольных щитов похожим на древнеримских центурионов, приходилось туго. Укрывшись за хлипкой баррикадой из канцелярских столов, они с трудом отбивались дубинками от нападавших «варваров».

Внезапно посреди улицы загорелся перевернутый на бок красный пожарный автомобиль с установленным на нём водомётом. Дым чёрными клубами повалил в ночное небо. Это послужило сигналом для нападавших. Напор их усилился. Раздались дикие вопли. В ОПОН и в окна здания полетели вывороченные из тротуара плитки, бутылки из-под пива. Упало несколько раненых полицейских, посыпались выбитые стёкла, на втором этаже показались языки пламени...

Это зрелище очень развлекало многочисленных зевак, толпящихся по подворотням, а мне вдруг стало неинтересным. Не желая больше быть свидетелем всего этого безобразия, я спрыгнул со своего наблюдательного пункта и, обхо-

дя стороной беснующуюся толпу, пошёл прочь вверх по Армянской.. И, как это не кажется парадоксально, наконец-то почувствовал себя дома.

* Перевод на русский язык, а также пояснения некоторых слов и фраз, отмеченных звёздочкой - в конце книги.

3. «У трёх покойников»

Плохо соображая от усталости и голода, я ввалился в свою холостяцкую обитель, которая была одновременно и моим «таинственным островом», хранящим «страшные» тайны, и неприступной для «кровожадных» соседей крепостью, и спасительным ковчегом в бушующем житейском море. А порой она превращалась в райские кущи, по которым порхали прекрасные гурии. Но, в первую очередь, это была моя МАСТЕРСКАЯ - единственное место на Земле, где я мог вдали от политических бурь и общественных потрясений уйти с головой в творчество. И если это удавалось, то для меня всё вокруг переставало существовать: время сжималось в точку, поле холста, становясь многомерным, теряло геометрические очертания, и открывалась некая потайная дверь, через которую я проникал в созданный мною Мир.

Так было и на сей раз, только теперь я вернулся. В моей голове в полном беспорядке теснились обрывки впечатлений, от одежды тянуло дымом, а от старой велосипедной перчатки (которую мне всё же удалось стянуть) - масляной краской и перезревшими яблоками. В тёмной прихожей я был сразу же атакован своими вконец оголодавшими животными: с воплем сиганул мне на плечи голубоглазый сиамец Тиль, в ногах, истошно мяукая, запуталась трехцветная Катька, а ударом в грудь приветствовал Аттила - помесь болонки и

крокодила. Накормив несчастных зверей, я прошёл в комнату - центр моей Вселенной, где в полном беспорядке среди незаконченных полотен, банок с красками, кистей, альбомов и пустых бутылок неколебимой твердыней возвышался мольберт с последним моим произведением. На полотне было изображено подёрнутое туманом озеро с засохшим деревом у самой воды и бегущая вдоль берега белая лошадь, а на заднем плане угадывались развалины Храма и чьи-то расплывчатые фигуры у костра.

Я припомнил, с каким трудом входил в эту работу. Ведь даже первоначальная композиция была совсем иной. Сначала я долго и упорно её писал, затем, повинувшись какому-то маловразумительному импульсу, замазал, потом в отчаянии надрался, после чего... Впрочем, это уже и не важно. Последний мазок поставлен, готовая картина стоит на мольберте, а я, выжатый как тюбик, вяло плещусь под душем, смывая пыль творческих порывов и пепел вдохновения. Сквозь шум льющейся воды из комнаты до меня доносятся последние новости:

Вишёнки. Для любителей острых ощущений.

Сегодня в ночном блоке Шестого канала вашему вниманию будет представлен сюжет, в котором рассказывается о нелегком труде городских коммунальных служб. Вы сможете увидеть, как аварийная бригада сантехников героически пытается устранить прорыв канализации. Господа со слабыми нервами и дети к просмотру не допускаются ...

Новости сельского хозяйства:

Границы Княжества без предъявления визы и таможенной декларации пересекли полчища недавно вставшей на крыло саранчи. Необычайно больших размеров насекомые оставляют после себя мертвое пространство - уничтоженные посевы идохнувший от голода скот. Прожорливые твари не реагируют на залпы противораковых орудий и напалм. Есть человеческие жертвы. Погибла съемочная группа телевидения, близко подлетевшая на вертолёте к месту событий. Несущий винт увяз в густой массе зеленых вредителей, и машина камнем рухнула вниз...

Зарубежные новости:

Сегодня в Ущелье, ведущем непримиримую войну с кровавыми захватчиками, были обнаружены и опознаны расчлененные останки правозащитников из Австралии. Не приходится сомневаться в том, кто их зверски убил. Бойцы местного отряда самообороны, сражающиеся против подлых оккупантов, выразили соболезнование семьям погибших. В Австралии объявлен всенародный траур. Ведется запись добровольцев, желающих помочь свободолюбивым детям гор. Мы с вами, друзья, держитесь! No pasaran!

Вытираясь на ходу, я прошлёпал в комнату и выключил телик. В наступившей тишине был слышен лишь шорох дождя за окном да нежный перезвон подвешенных к форточке рыболовных колокольчиков. На душе стали скрести кошки. Какое-то время я собирался с духом, потом решительно по-

дошел к телефону и набрал заветный номер. На другом конце провода сняли трубку и знакомо задышали в микрофон:

- Привет, это я! - сказал я. - Говорить можешь?

- Да. Я вас слушаю.

- Как Дашка?

- Уже лучше, но пока ещё кашляет.

- Я соскучился, когда увидимся?

- Да-да. Я вам позвоню, - и едва слышным шёпотом: -

Люблю...

- Поцелуй за меня Дашеньку! - прокричал я в трубку, но мой вопль остался без ответа.

Слушая короткие гудки, я ощутил себя смертельно одиноким на своём «острове свободы» и, недолго думая, решил отправиться в кабак пропустить пахар де дьжин - стакан вина, чтобы унять овладевшую мной тоску. Но прежде сделал ещё один короткий звонок - сообщил заказчику, что работа для него уже готова.

- Сарай купил на Канарах. Сейчас расплатиться не могу - полный голяк, - пожаловался деловой человек. - Вот скоро одну махинацию проверну, и всё отдам, ты не сомневайся.

Представляя «сарай», я принялся шарить по карманам в поисках денег. Таковых, естественно, не оказалось, и пришлось лезть под диван в слабой надежде, что туда закатилась хоть какая-то мелочь. Мне повезло, и уже вскоре, позвякивая монетками, я выскочил из дома прямо под проливной дождь в темноту ночи.

Фонари на улице не горели, и только кое-где из окон домов пробивался слабый свет. Изрядно промокнув, я вскоре добрался до популярного на нашей магале* кабака «У трех покойников», получившего свое весёлое название за то, что вплотную примыкал к стене старинного городского кладбища.

Табачный дым в небольшом помещении стоял коромыслом. Из магнитофона доносился незабвенный голос Высоцкого, заглушаемый криками пьяниц с лёгкостью смешивающих русское «Ну, будем!» с местным «Хай норок!».*

Неожиданно среди завсегдатаев, устроившихся здесь всерьёз и надолго, я углядел и своего старого учителя. Когда-то Валентин Иванович преподавал мне в художке и с тех пор, казалось, совсем не изменился. Всё то же покрытое множеством морщин круглое лицо, в центре которого сизой бабрулей красовался нос, мешки под глазами, большой светлый лоб, уходящий в залысину, и остатки спутанных желтовато-седых волос. На нём был изрядно потрепанный допотопный пыльник песочного цвета, на голове - выгоревший на солнце синий берет, а на шее - съехавшая набок зеленая бабочка. Злые языки поговаривали, что старик давно уже выжил из ума, но лично я ничего такого за ним не замечал, искренне любил и помогал, чем мог.

Как будто почувствовав мой взгляд, Валентин Иванович обернулся и, заметив меня, смешно замахал руками.

- Серёженька, давай ко мне!

Взяв стакан «Вишёнки», местного вина, от которого когда-то произошло название Княжества и его столицы, я подсел к старику.

- Здравствуйте, маэстро!

- А я вот всё ребусы разгадываю, - доверительно сообщил он мне и продемонстрировал какой-то таблоид со здоровущим кроссвордом на развороте. Многие клеточки были уже заполнены, но, как я заметил, ещё больше там оставалось пустых мест.

- Ну-ка, подскажи мне, друг ситный: в чём смысл бытия?

Я только пожал плечами.

- Вот и мне ничего путного в голову не приходит, - признался В.И.

Хотя на правой руке у старого художника и не хватало трех пальцев, по слухам потерянных им ещё во время Великой Отечественной в застенках Сигуранцы,* он прекрасно владел карандашом и кистью. Мне всегда нравились работы моего учителя, проникнутые одновременно и высоким мастерством и детской непосредственностью, и поэтому когда я заметил под лавкой рядом с заляпанным краской этюдником перетянутую резинкой папку с рисунками, не удержался и попросил у него разрешение заглянуть в неё.

Валентин Иванович благосклонно кивнул, и я наугад выудил несколько листочков, на которых были виртуозно изображены завсегдатаи кабака.

- Вы что, здесь рисуете? - удивился я.

- А почему бы и нет? - вопросом на вопрос ответил В.И. - Тут, знаешь ли, такие типажи встречаются... К тому же, вот и на ужин себе заработал, - он с гордостью показал на стоящую перед собой тарелку с бульоном, в котором сиротливо плавало несколько разваренных пельменей. - Жизнь прекрасна, мой друг, выпьем!

По «просвещённому» мнению старика, здесь в «Покойниках» разливали лучшее вино во всём Княжестве... а возможно, и во Вселенной. В наших гранёных стаканах «Вишёнка» казалась тёмно-красной, почти чёрной и, словно сама по себе, мерцала из глубины царственным пурпуром.

Проследив за тем, как я одним духом проглотил свою порцию, В.И. огорчённо констатировал:

- Ты не умеешь пить. Вино надо смаковать, а не хлестать, как водку.

Пообещав исправиться, я осушил еще стакан и любопытствовал у старика(,) давно ли он состоит в Союзе художников.

- Вообще-то, я сам по себе. Когда-то, конечно, хотел вступить. Жаждал, так сказать, официального признания. Но... меня не приняли, сказали, что ещё не дорос до сей профессиональной организации. (Я прикусил губу.) Теперь это уже не имеет значения, поскольку треть всех художников города я сам выучил.

Время, судя по солнечным часам на стене, приближалось к десяти. Было шумно. «Покойнички» веселились во всю.

Какая-то пьяная мамзель, развлекая общество, горланила песни, пьяный мужик рассказывал непристойные анекдоты, а спящий по соседству алкаш, не приходя в себя, взбрыкивал под столом ногами. От крепкого вина меня развезло, и я пожаловался старику на то, что творчество моё не находит признания, картины продаются плохо, да и вообще, по большей части я ими не доволен.

В.И. усмехнулся:

- Последнее - похвально. Если ты будешь удовлетворен своей работой, то выше уже не поднимешься. Что же касается признания и денег, - забудь об этом. У нас с тобой другое предназначение.

- Какое? - наострил я уши.

В.И. наклонился ко мне и сказал, часто моргая покрасневшими веками:

- Давай, я расскажу тебе притчу, которую слышал давным-давно, ещё от своего наставника. Это случилось... В общем, не важно когда. Безумие овладело Миром. Люди стали поклоняться золотому тельцу, вести братоубийственные войны, губить природу. Грехи человеческие переполнили чашу терпения Господа, и тогда решил ОН, что пришла пора призвать их к ответу. Ну и, как водится, учинил Страшный Суд. И вот, в самый разгар судилища, среди всех этих визжащих от страха и умоляющих о прощении банкиров, сантехников, продавцов, бизнесменов, таможенников и политиков Господь вдруг обнаружил одного не покаявшегося грешника

- перепачканного краской, пьяного и весёлого деревенского маляра.

Валентин Иванович рассеянно отпил большой глоток вина из моего стакана и надолго замолчал.

Выждав для приличия, я поинтересовался, чем же заканчивается эта побасенка.

- Да ничем, - ответил старик.

- Как так, почему?

- ОН посчитал, что художник одним только фактом своего присутствия оправдывает существование этого Мира, и... отменил Конец Света.

Воспользовавшись подходящим случаем, я решил спросить своего учителя:

- А что, Валентин Иванович, когда вы рисуете, не возникает порой чувства, что вашей рукой кто-то водит, а Вы сами являетесь только посредником между Космосом... или, если хотите, Богом и остальным человечеством?

- Да, бывает, - засмеялся старый художник, - но после стакана доброго вина быстро проходит.

И он ошарашил меня следующей заковыристой задачкой из своего кроссворда:

- Что есть истина?

Я опять не нашёлся, что сказать, и хитро предложил заглянуть в следующий номер таблоида, где скорей всего должны были быть искомые решения.

- Ответы как раз и не главное, - обескуражил меня В.И. -

Сколько людей, столько будет и мнений. Правильно поставленный вопрос - вот что важнее всего.

Вздыхнув, Валентин Иванович поинтересовался, не подыскал ли я себе новую работу (всесоюзный проектный институт, где я некоторое время трудился архитектором, недавно упразднили за ненадобностью), а услышав, что нет, очень обрадовался. Оказывается, в нашей школе, где он до сих пор преподавал, вскоре должно было освободиться место учителя, и старый художник вознамерился рекомендовать меня на эту должность. Я стал было отнекиваться, ссылаясь на отсутствие педагогического опыта, но В.И. посоветовал обдумать всё ещё раз на трезвую голову.

Дождь, хулиганя, стучал в окна. Тусклая лампочка едва освещала дальние углы заведения. Осоловев от вина, я клевал носом, с трудом воспринимая пьяненькую болтовню старика. Для начала В.И. поведал мне свою биографию, начиная «с сотворения Мира», потом стал допытываться, понимаю ли я, что значит выражение «объять необъятное», затем, расчувствовавшись, вспомнил своих деточек, которые его ни в грош не ставят, а под конец сообщил, что устал, соскучился и хочет вернуться на свою далёкую и нежно любимую родину. От возбуждения его дряблые щеки пошли багровыми пятнами, на глаза навернулись слёзы, и на носу повисла мутная капля.

Кое-как справившись с приступом ностальгии, Валентин Иванович утёрся клетчатым носовым платком и, выловив из

тарелки последний пельмень, вновь занялся своим бесконечным кроссвордом:

- Итак... Что было вначале? Ну, положим, это я... - пробормотал он и, не закончив фразы, принялся старательно заполнять свободные клеточки, а я с тоской подумал, что вот, наверняка, и старый учитель вскоре уедет, как и многие другие мои знакомые, покинувшие суверенное Княжество за последние годы.

В этот момент за окном неожиданно сверкнула молния, входная дверь с грохотом распахнулась и, толкая перед собой велосипед, к нам в кабак прямо из потоков воды шагнул какой-то незнакомый низкорослый тип. Его спина горбилась под тяжестью промокшего рюкзака, а на голове красовалась мятая капитанская фуражка с поломанным крабом на тулье. С его «амуниции» и пегой всклокоченной бороденки на пол стекали многочисленные ручейки. Припарковавшись, он стащил с курносого носа запотевшие очки, перемотанные синей изолентой и, близоруко щурясь, протёр их полой мятой рубахи. Вытребовав у хозяина стакан вина и бутерброд с килькой, новый посетитель окинул рассеянным взглядом помещение и, не найдя другого места, плюхнулся за наш стол. Не выказав особого желанья знакомиться, он пристроил на край скамьи свой замечательный головной убор, отпил вина и принялся задумчиво жевать закуску. Большая плешь «морского волка» блестела от влаги, а мысли блуждали, по-видимому, где-то далеко, по одному только

ему знакомому фарватеру.

Искоса бросив любопытный взгляд на велосипедиста-водника, В.И. многозначительно шмыгнул носом и вернулся к своему вопроснику: «Наименование паруса гоночной яхты... из восьми букв». Мы глубоко задумались.

- Спин-н-н-на-акер, - вдруг, словно очнувшись, сказал, чудовищно заикаясь, наш сосед.

- Зачем вы так? - оскорбился старик. - Мы же вас не трогали.

- Это н-н-название у п-п-паруса такое, - пояснил мужчина со знанием дела.

Ной (так звали нашего нового знакомого) был токарем высшего разряда и работал при каком-то НИИ (пока тот не прикрыли), а среди местной туристической братии слыл «отмороженным» путешественником. Страсть эта появилась у него ещё в школе. Его плохая учеба и не всегда чистый воротничок вызывали брезгливую жалость преподавателей, а врожденный дефект речи - насмешки злых одноклассников. И вот однажды маленький Ной, рыдая от очередной несправедливости в дальнем углу школьной раздевалки, поклялся во что бы то ни стало добиться уважения окружающих. В это время на уроках пробегали Великие географические открытия, биографии известных исследователей и он, недолго думая, решил стать таким же, как они. Жизнь мальчика резко изменилась. Он стал часто убегать из дома и скитаться в окрестностях Вишнёнок, воображая себя то в дебрях Амазон-

ки, то в Сибирской глухомани. Как-то раз, тренируясь на выживание, он целых трое суток пропадал в лесу. Когда юного путешественника вернула домой милиция, мать отходила его ремнем. С тех пор прошло много лет. На своём велосипеде он исколесил вдоль и поперек весь Союз и вот теперь решил, что пришло время покорять водные просторы планеты.

- Я-я-яхту с-с-строю по собствен-н-н-ному п-проекту, - гордо объявил он нам, - де-ет-т-тали сам вы-вытачиваю, металл беру на сва-алке; ква-ква-ртиру зава-валил же-же-лезом по самую ва-атерлинию, сплю на шпа-ангоутах, ем на к-киле... А ви-и-дели бы вы мою м-м-ачту! Не м-мачта, а ме-ме-мечта из чи-чи-истого алю-миния.

Ной закатил глаза, по-видимому, воображая себя в этот момент на палубе глиссирующей красавицы. Вот он, загоревший до черноты под тропическим солнцем двухметровый блондин, после очередного кругосветного плавания лихо заводит свое судно в акваторию одесского яхт-клуба, где у причала его встречает восторженная толпа поклонников... и, естественно, поклонниц.

4. Ночной променад

Дождь кончился, и мы с Валентином Ивановичем вышли на улицу следом за нашим новым знакомым.

- Ты смотри, Серёженька, какие у нас замечательные люди! - умилился нетвердо стоящий на ногах старик, когда будущий покоритель океанских просторов «уплыл» по лужам на своем драндулете.

- Вот этот, например, как его?.. Ной, да?.. лодку строит, в кругосветку собирается - это размах... железный человек... а как говорит - песня! - Пошатнувшись, он ухватил меня под локоть и предложил: - Давай пройдемся. Чувствуешь, какой воздух? Благодать!

Игнорируя закон всемирного тяготения, мы зашлёпали по лужам вдоль кладбищенской стены, над которой торчали чёрные ветки деревьев. В свете фар припозднившихся автомобилей казалось, что из-за ограды к нам тянутся костлявые руки покойников.

- Валентин Иванович, а как вы относитесь к тому, что у нас в Вишёнках теперь круглый год лето? - прерывая затянувшееся молчание, поинтересовался я у старика.

- Аномалия... - пожал плечами В.И. - А по мне так и хорошо - за отопление платить не надо и виноград созревает три раза в год... Впрочем, это что! Я вот другое подметил: сейчас о чём плохом не помыслишь, так обязательно сбудется.

- Вы правы! - с готовностью согласился я. - Живём как на вулкане. Не успеешь представить, а оно - бац! - и готово.

- О вулкане это, пожалуй, ты зря сказал, - пробормотал старик, всматриваясь в чёрный провал улицы Котовского.

Навстречу нам брёл какой-то тип, тыча перед собой сучковатой палкой. Мы в замешательстве остановились. Лишь когда прохожий оказался под тусклой лампой одинокого уличного фонаря, удалось его разглядеть. Это был средних лет коренастый гражданин, с давно не бритой физиономией и со всеми приметамы недавнего пребывания в мусорной куче. На широком и плоском, словно у тунгуса, лице узкие мутные щели между припухшими веками обозначали глаза.

Поравнявшись с нами, слепой остановился и, прислушавшись к громкому сопению Валентина Ивановича, завёл привычный для нищенской братии разговор:

- Зиуа бунэ, оамень бунь!* Помогите, люди добрые, сделайте милость.

- У нас нет денег, любезный, - с грустью сообщил старый художник.

Но незнакомец не унимался:

- Сам я не местный. Приехал издалека. Прошу вас, укажите дорогу к храму.

- Слышал? Слепой, ночью, на ощупь, несмотря на подстергающие на каждом шагу опасности, ищет дорогу в Храм! Каков человечище?! - возликовал В.И. и по-рыцарски вызвался проводить «тунгуса».

По пустынным улицам старого города мы поплелись к кафедральному собору. И весь долгий путь неугомонный Валентин Иванович изводил меня разговорами о долге христианина и любви к ближнему. Когда же изрядно уставшие, мы наконец добрались до места, слепец, ощупав портал здания, раздосадовано сообщил, что это вовсе не то, что ему нужно. Оказалось, что приезжий всего-навсего разыскивает церковь, возле которой стоит дом его зазнобы. Однако это недоумение несколько не подорвало решимости В.И. помочь бедолаге. Мы попытались уточнить адрес местной Дульциней, но мужчина лишь твердил, что та живёт поблизости от храма.

- Наверное, ему нужна та церковь, где раньше был Планетарий, - предположил Валентин Иванович, и мы, подбадривая слепого, потащились по проспекту Стефана.

- И когда это в вашей дыре успели понастроить столько храмов? - бурчал мне в одно ухо «человечище».

- Любовь - как это романтично! - громко шептал в другое В.И.

Вконец выбившись из сил, наша компания всё же добралась до намеченной цели. Обследовав церковный забор, заезжий ловелас стал вопить, что мы его опять завели не туда и что он нам всем покажет. Дабы не накалять страсти, я быстро припомнил, что на Болгарской есть церквушка, которую ещё совсем недавно использовали под складское помещение.

- А ближе ничего нет? - простонал мой учитель, в голосе которого уже не чувствовалось бывшего энтузиазма. - Ладно, доведём, не бросать же его здесь.

Мы подхватили гражданина под руки и поволокли по центральной улице в обратную сторону. - Ещё немного, мой друг, - задыхаясь, подбадривал его Валентин Иванович. - Скоро встретишься со своей милой.

- Куда вы меня тащите?! Отпустите, ироды! - вопил, вырываясь, наш подопечный.

- Ничего-ничего, нам не трудно, - хрипел в ответ В.И., находящийся на последнем издыхании.

Медленнее, чем того бы хотелось, мы продвигались вперед.

- Чёрт меня дёрнул приехать, - поняв, что от нас ему просто так не отделаться, ныл незадачливый любовник. - Сидел бы сейчас у себя дома в Вишёнках и горя не знал.

Остановившись, словно налетев на невидимую преграду, мы с Валентином Ивановичем переглянулись.

- Сэр, а где, по-вашему, вы сейчас находитесь? - очень спокойно и совершенно трезвым голосом поинтересовался мой компаньон.

В наступившей тишине у «сэра» отчетливо щёлкнули металлические зубы.

В результате перекрестного допроса нам удалось выяснить следующее. Крепко поддав «ла ботул калулуй»* перед тем, как отправиться в деревню к своей «донне Анне», наш

«дон Жуан» по дороге на автобус отрубился, а придя в себя, почему-то решил, что он уже прибыл на место. И даже наши с В.И реплики не заставили его в этом усомниться (впрочем, возможно, он ещё и плохо слышал).

- Ну и что нам теперь делать? - простонал В.И., когда мы всё же растолковали бедняге его ошибку.

- Ведите на автовокзал! - потребовал «тунгус». - Мне что же теперь, несолоно хлебавши домой возвращаться? Да меня кореша засмеют!

Всю дорогу на вокзал Валентин Иванович сконфуженно помалкивал, а слепой что-то бурчал себе под нос о мошенниках и проходимцах. Оказавшись на перроне, он, даже не поблагодарив, ввинтился в толпу ожидающих свой рейс пассажиров. Я проводил его недобрым взглядом, а В.И. только развёл руками и произнёс: «Любо-о-овь!»...

Потрясённые своей благотворительной деятельностью, мы с Валентином Ивановичем на гудящих ногах брели по тёмным улицам. Навстречу нам медленно ползли «составы» одноэтажных домов, деревья, заборы и проходные дворы.

- Жаль, выпить негде, всё давно уж закрыто, - сокрушался старик.

До моей мастерской было далеко, до утра - долго, и я, видя плачевное состояние своего учителя, сделал ему предложение, от которого он не смог отказаться.

Уже вскоре нас приветствовали радостными возгласами в одной весёлой квартире, где прямо на полу, среди горящих

свечей и початых бутылок «Вишёнки» разместились весьма тёплая компашка. Здесь обычно собирались те, кто хотел выпить, потрепаться и «потереться носами». Хозяйкой «ночного клуба» была моя одноклассница, за которой я когда-то ухлёстывал.

Я плюхнулся среди присутствующих, по-турецки скрестив ноги, а В.И, пожелав всем доброй ночи, устроился в углу на старом матрасике. Сердобольная хозяйка укрыла старика пледом, а её бой-френд Пашка (недоучившийся студент нашего Госуниверситета, африканец) с возгласом «биля-небиля» наполнил стаканы.

Вместе со всеми я выпил и на следующие полчаса отключился. Ничего не соображал, лишь старательно клевал носом. Речь окружающих доносилась, как из глубокого колодца, причём сплошной «ползущей строкой». Примерно так:

«...значит вы пессимист? Я - пессимист? А откуда вы знаете, что должно произойти дальше? Это вопрос веры. А ты поговори вот с ним. Он в отношении веры у-у-у... А кто ты по гороскопу? Если крыса, то твой год следующий. Я - свинья, если хочешь знать. Ясно. А я всё думал, что меня так мучает? Это полная фигня. Я не верю ни в гороскопы, ни в хиромантию. Ребята, давайте лучше выпьем... потому что мы не договорили. А чем будем закусывать? Огурцами?.. Поэтому я и не люблю отмечать свой день рождения - возиться, что-то готовить. А и так пройдёт. Кошмар. Я не поняла, мы что, выпили? По-моему, ты уже готова. Да, я пьяна. Для ху-

дожника работа - кусок его жизни, души, нервов, а эта балда не понимает. Слушай, а где ты научилась на скрипке играть, я ведь учил тебя не этому? Я пью коньяк... А давайте познакомимся... После третьей не закусываю... Я недавно был на презентации книги одного э-э-э писателя. Так он чем брал публику? Каждому сообщал: «Скоро должен прибыть Сам! Представляете, Сам!!! Он обещал. Я договорился». А когда стало ясно, что никого не будет, объявил: «Мне только что позвонили из канцелярии Самого. К сожалению, визит отменяется. Незапланированные переговоры с английским посланником». Это было круто... А это мой любимый Сен Брё. Человек сам на всех инструментах играет. Ну там приглашает вокал. А вообще из всех французов единственный - это Адамо. У меня полное собрание его произведений. Он тоже бельгиец по происхождению. Как рокенроллисты - это Литтл Тони и Джонни Холлидей... Слушай, а тебе нравится Дассен? Ты это серьёзно? А сколько тебе лет, девочка?.. Думал, меньше. Это же французская попса. Мы в восьмом классе под него танцевали. Дассен - это прекрасно, но к нему нельзя относиться как к явлению. Это совершенно... Значит, вот что произошло... Ну, это другая история...

Когда я пришёл в себя, то обнаружил рядом на ковре двух прекрасных шмар - Лолку и Владку, напротив - любителя Литтл Тони и Джонни Холлидея - оператора с телевидения Голубка, а чуть дальше - хозяйку квартиры в обнимку с продавцом бананов африканцем Пашей. Между присутствующими

щими, создавая некоторый беспорядок, ползал карапуз в розовых подгузниках и резвилась большая чёрная собака.

Слова и фразы наконец-то обрели законных хозяев.

- А давайте выпьем за любовь! - как раз в это время внесла предложение бойкая Владка и посмотрела на меня с вызовом.

- Любовь - это секс, - определил я своё отношение к этой проблеме на сегодняшний вечер и пододвинулся к ней поближе.

- Вы неправы, - возразил Голубок и хрустнул красивыми длинными пальцами с наманикюренными ногтями, - секс - лишь производная любви.

Казалось, он больше всех в этом понимает.

- Очень сладкая производная, - гнула Владка свою подлую линию, активно прижимаясь ко мне бедром.

- А вот я знакома с одним скульптором, который помещен на изображении гениталий, - сообщила Лола, давно забросившая свою скрипку и сейчас подрабатывающая натурщицей.

- Я его тоже знаю, - ревниво встряла Владка.

- Он что, сексуальный маньяк? - оживился Голубок, облизывая чувственные губы.

- Этого я точно не знаю, скажу но все предметы в его доме, имеющие подходящую форму, сделаны в виде фаллоса.

- Я себе это представляю, - оператор мечтательно закатил подведённые глаза.

- И в чём же смысл его... э-э-э... творчества? - высунув голову из-под пледа, поинтересовался Валентин Иванович.

- Утверждает, что фаллос - основа основ, что, мол, с него всё началось и им же, закончится.

- Мне почему-то всегда казалось, что основа в другом, - буркнул В.И. из своего укрытия.

- А как у него с воплощением женского начала? - осведомился, говоривший, когда того хотел, довольно неплохо порусски, «бой-фрукт» Пашка.

- О, это его конёк, - сообщила Владка. - Над кроватью у него висят гипсовые слепки интересующего тебя органа всех некогда любивших его женщин.

- Господи, прямо как посмертные маски! - ужаснулась впечатлительная хозяйка.

- Скорее, как охотничьи трофеи, - поправил я. - И много их там?

- Я не считала, - заверила Влада и потупилась.

- «Искусство принадлежит народу», - ни к селу ни к городу процитировал классика чернокожий «фрукт».

Все замолчали, соображая, с какой стороны прицепить известное утверждение к теме разговора.

- Не всегда, - первым нашёлся я и поведал собравшимся, что на последней выставке Союза художников творения этого мастера не допустили к экспозиции.

- Какая реклама! - восхитился Голубок, перебирая нефритовые чётки.

- Ну что вы, - подал голос из своего укрытия В.И. - Вот раньше его бы посадили в психушку... а, возможно, и расстреляли. Это реклама.

В знак солидарности с незаслуженно не расстрелянным мастером народ потянулся к стаканам, но оказалось, что всё было уже выпито.

- Видно, пора по домам, - сказал, потягиваясь, Голубок, - А где мой пёсик?

- А где мой ребенок? - опомнилась Лолка.

Неугомонный малыш и его четвероногий приятель безмятежно спали в обнимку, примостившись у Валентина Ивановича под боком. Старик заботливо прикрыл их пледом и сам уже мирно похрапывал...

На улице занимался рассвет. Было свежо и сыро. Тротуар кружился под ногами, перед глазами всё расплывалось. Последнее, что сохранила память в это утро, была Владка, которая куда-то меня тащила. На этом животрепещущем месте я словно провалился в омут. Погружаясь все глубже и глубже, я неожиданно оказался в бескрайнем пространстве космоса, окружённый мерцающей звёздной пылью. Прямо на меня, в абсолютной тишине, медленно вращаясь, летел кусок мёртвой породы, бывший когда-то нашей прекрасной Землёй. На её заснеженной макушке торчал чёрный крест. Я закричал от охватившего меня ужаса и... проснулся. Медленно открыв глаза, увидел давно не беленый потолок своей мастерской со знакомым переплетением трещин и тёмным пятном от шам-

панского в форме мыса Доброй Надежды. Слава Богу, это был только ночной кошмар. Тяжело дыша после пережитого, я встал с постели и, подойдя к окну, рывком раздвинул шторы. Вместо привычной картины залитого полуденным солнцем соседского двора предо мной был всё тот же леденящий душу пустынный пейзаж погибшей планеты.

5. Рок

Вяжи, будет, что развязывать.
Поговорка.

Впервые я увидел Марику на комсомольском собрании Молдгипростроя, где мы оба работали архитекторами в самом начале перестройки. Помнится, как раз решался вопрос о сборе средств в фонд помощи голодающим детям малоразвитых стран, и я решил, что это подходящий повод для знакомства.

Как молодые специалисты мы занимались, в основном, типовой рутинной, считая за счастье каждый индивидуальный проект, пусть даже и какой-нибудь проходной-сторожки. Зато наша общественная жизнь была ключом. Мы вместе трудились на субботниках, ездили на сельхоз работы и ходили на первомайские демонстрации, где дружно кричали: «Трэяскэ партидул комунист!» и «Либертате пентру Луис Корвалан!»*

Маричка была юная, веселая, нежная и я, незаметно для себя, вскоре утонул в её чёрных очках. Она тоже не осталась равнодушной к моим «проискам», и мы стали встречаться. Наш роман разразился на закате Советской Империи, когда от пустых прилавков и талончиков на трусы уже веяло сквоз-

някам грядущей катастрофы. С азартом добывая банку зеленого горошка к Международному дню трудящихся, мы ещё жили сладкими иллюзиями, свято веря в необходимость космических полетов и «дружбу народов во всем мире», а поражение нашей хоккейной сборной переживали, как проигранную битву. Доказательством моей безграничной веры в светлое будущее, в котором я обязательно буду нужен своей Родине, могут послужить несколько строк из дневника, записанные мной незадолго до этого в студенческом стройотряде на БАМе.

Тогда, с юношеским восторгом глядя на расстилающийся предо мной захватывающий таежный пейзаж с розовыми сопками, горящими в лучах восходящего солнца, с синими туманами, блуждающими по излучинам рек, и бескрайними просторами моей страны, простирающимися на все четыре стороны, я занёс в свой блокнот: «За далекими соснами мелькнул серебристой стрелой летящий по Магистрале поезд. Он направляется туда, где будут возведены новые величественные города, укрощены бурные реки и напоены водой пересохшие пустыни. Дух захватывает, когда думаешь, сколько работы ещё предстоит. К счастью, всё это выпадет на долю моего поколения. И я вместе со всеми буду трудиться на переднем крае строительства коммунизма»...

Может, сейчас это звучит и пафосно, но в ту пору я чувствовал себя, словно космонавт перед полётом. Вот-вот должна была прозвучать команда: «Ключ на старт!» и на-

чаться беспримерное путешествие к сияющим звездам. Но случилось так, что я вместе со всей страной отправился совсем в ином направлении - туда, где безмозглый попугай старого пирата не устаёт повторять: «Пиастры, пиастры, пиастры!..». История сделала «мертвую петлю», и мы вновь оказались в пещерах, за стенами которых слышен рык обнаглевших от вседозволенности хищников...

Но в то время всё было иначе. Сталинские репрессии остались в воспоминаниях старшего поколения, а не имеющая срока давности Победа в Великой Отечественной давала нам ощущение полной безопасности. К тому же мы с Марикой были влюблены и вообще ничего кругом не замечали. Нам хотелось лишь одного: всё время быть рядом, говорить, касаться друг друга. И мы находили такую возможность при каждом удобном случае. Вместе дежурили в народной дружине, рисовали стенгазеты, писали плакаты. Бывало по вечерам оставались в институте, и я помогал ей делать курсовики (она училась заочно), или отправлялись ко мне домой и занимались этим там. Порой по выходным мы выбирались за город, где я мазал пейзажи, а она готовила пикничок, расстелив на траве скатерть, на которой я потом, толком не смахнув крошки, «учил её азам изобразительного искусства».

Время шло, нам хорошо было вместе, и чтобы не усложнять жизнь ни себе, ни родственникам, мы решили расписаться. По этому поводу Маричкины родители устроили мне смотрины. Под жаркое и водочку они расспрашивали меня

о семье, осторожно выведывали планы на будущее. В целом, ко мне отнеслись доброжелательно, хотя и не без некоторых опасений. Но... на что не пойдешь ради любимой дочери?! Даже на зятя- художника.

Через несколько дней мы подали заявление в ЗАГС. Наши «старрики» на высшем дипломатическом уровне провели переговоры о свадьбе. В лучшем ресторане города был заказан праздничный ужин, рассылались приглашения многочисленной Маричкиной родне, шилось свадебное платье...

И тут меня словно обухом по голове шандарахнуло! Я внезапно осознал, что шутки кончились и пора платить по счетам. Мои чувства к Марике были всё те же - я её любил, но когда представлял пупса, распятого на радиаторе свадебного катафалка (в смысле экипажа), возложение цветов к памятнику основоположников марксизма, троекратный сбор традиционной «дани» с гостей, вопли «Амар!»* и зажигательные местные танцы, меня начинала бить нервная дрожь. А перспектива обзавестись кучей новых родственников, составляющих крепкий клан, уходящий корнями глубоко в землю Княжества, жирную, как сливочное масло, которые станут примерять на меня, как смирительную рубашку, свои взгляды на жизнь, вызывала полный ступор. Вот если бы всего этого можно было как-нибудь избежать... Быстренько расписаться, юркнуть с Маричкой в троллейбус и уехать на край света... И потом, я не всё ещё взял от жизни, у меня огромные творческие планы! Семья, дети - здесь не до ис-

кусства. Да какая свадьба, господа?! От раздирающих противоречий у меня подскочила температура.

Мандраж прошёл только, когда я, прометавшись несколько дней в горячечном бреду, заявился к Марике и, избегая смотреть в глаза ничего не понимающей девушке, объявил о своем решении перенести свадьбу на более поздний срок. Узнав об этом, мои родители только схватились за голову, а её, конечно, уверились в том, что я - подлец, который опозорил их дочь, унизил перед родней и ввёл в материальные издержки. За это несостоявшийся тесть посулил мне оторвать голову... или что-то там ещё, находящееся значительно ниже.

Казалось, что после всего случившегося Маричка должна была меня возненавидеть и бросить, а я - обходить её стороной... но произошло совершенно обратное: мы вцепились друг в друга мертвой хваткой утопающих, и никакие увещевания и угрозы оскорбленных родственников не могли на нас подействовать. Более того, мы вскоре подали новое заявление на брак.

Родители, узнав об этом «скорбном» событии, сложили с себя всякую ответственность за нашу дальнейшую судьбу. Воспользовавшись этим, мы, как старые рецидивисты, повторно тянули установленный законом трехмесячный срок до свадьбы, без зазрения совести наслаждаясь друг другом. Но вскоре эта идиллия была нарушена самым неожиданным образом. Однажды утром какой-то ушастый фраер вручили мне повестку из военкомата.

Из злополучной бумажки следовало, что я призываюсь на сборы, что должен иметь при себе военный билет, паспорт, кружку, паек на два дня, и, ко всему прочему, еще несу уголовную ответственность за неявку на призывной пункт. Таким образом, все наши свадебные планы снова летели к черту. Марика, конечно, посчитала, что это моя очередная попытка увильнуть от брачных уз, я же что-то блял о священном долге и умолял ещё немножко повременить.

На следующий день, проходя положенный медосмотр, я в одних трусах, спущенных до колен, стоял перед молодой феей в белом халате, которая с профессиональным любопытством разглядывала мои мужские достоинства.

- Можешь идти, - наконец сказала она, что-то записав в журнал.

Я уныло подтянул трусы и перешел в руки к следующему эскулапу. В конце концов оказалось, что лейтенант запаса Линсу здоров и пригоден, и даже дорогой его позвоночнику сколиоз куда-то бесследно исчез.

В темных коридорах военкомата вместе со мной в ожидании своей участи томилось много самого разного люда. Здесь были и совсем зеленые пацаны, и ребята моего возраста, и сверкающие лысынами мужчины с опухшими от пьянки рожами. Про сборы нам ничего определенного не говорили, но вскоре, все же, просочились тревожные слухи о том, что сбивают очередную команду для отправки в Чернобыль. Катастрофа на АЭС, которая до сих пор была лишь страш-

ным и печальным фактом в сообщениях программы «Время», неожиданно становилась нашей общей судьбой.

Я попытался представить радиацию - нечто неосоздаваемое, не имеющее ни вкуса, ни цвета, ни запаха. Да по сравнению с такой жутью даже отец Марички, который в моих ночных кошмарах кровожадным монстром гонялся за мной, размахивая секатором, казался милым и добрым человеком. Лозунг над дверьми военкомата, призывающий к защите Отечества, незаметно в моих глазах превратился в Дантовское «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Только теперь я понял, что участь моя была решена еще полгода назад, когда в самый разгар творческой работы над уникальным проектом районного сортира, подполковник в отставке из первого отдела направил меня на курсы ГО. По возвращении же на работу мне торжественно вручили удостоверение дозиметриста, о котором я тут же благополучно забыл. Но, как бы то ни было, я прошёл медкомиссию и попал в сборную команду «счастливицков».

На другой день рано поутру мы с вещами толпились у ворот военкомата. В дальний путь меня провожали отец и Марика. Она была словно заморожена, смотрела на меня совершенно пустыми глазами и отвечала невпопад. Стоящий рядом родитель только молча вздыхал. А я, чувствуя свою вину перед ними обоими, переминался с ноги на ногу и нёс всякую чушь. Когда наконец подошел автобус и всех позвали на посадку, я с явным облегчением, обнял папу, чмокнул Ма-

ричку в безжизненные губы и, подхватив рюкзак, поспешно полез в салон.

Запасники кое-как разместились в машине, завалив сумками весь проход. Сопровождающий нас капитан сделал перекличку, автобус тронулся в путь, и я в последний раз с тоской оглянулся на стоящую в стороне от остальных провожающих, неподвижную фигуру Марики.

Пока ждали посадки, кое-кто из «гвардейцев» успел «отметиться». Под горячими лучами солнца, врывающимися в салон через мутные стекла, их основательно развезло, и нам пришлось несколько раз останавливать машину и выводить мужиков проветриться.

К середине дня нас привезли в Краснознаменку и высадили у штаба воинской части расположенной за бетонной оградой с колючей проволокой. Окружающая обстановка - показная активность офицеров, уставная зависимость солдат и пыльная серость казарм подействовали на меня угнетающе. В течение нескольких бесконечных часов, изнывая от жары и неизвестности, нам пришлось ждать главного здесь человека - начальника вещевого склада. У одного из наших выпивох счастливо подскочило давление, и его отправили домой вместе с каким-то длинным лысым типом, вообще непонятно как затесавшимся в наши «героические» ряды. Он врал, что провожал кума и «за компанию» залез в автобус. Да и вообще думал, что мы едем на рыбалку, судя по количеству взятого вина. А куда подевался куманёк, не знает, наверное,

отстал по дороге...

Когда всё же соизволил появиться дышащий тёщиным борщом тучный красномордый прапор в расхристанной гимнастёрке, мы сдали свои пожитки на склад и получили обмундирование. Я надел пудовые кирзачи и только тут в полной мере осознал всю безнадежность положения. Мне показалось, что для всех нас время остановилось.

Уже после отбоя из казармы, где, разя перегаром, храпели «вольные стрелки», меня потянуло на свежий воздух. На спортивной площадке я влез на брусья и закурил, наверное, сотую за этот день сигарету. Надо мной тускло светила похожая на рыбий глаз луна. За высоким забором виднелись, словно обглоданные, кроны деревьев. Нарушая покой городка, тревожным воем оглашали окрестность местные «кабыздохи». Мне пришлось сжать зубы, чтобы не поддаваться искушению завывать вместе с ними.

Утром следующего дня на крытых военных ЗИЛах нас повезли дальше. Трясаясь на ухабах разбитой многочисленными машинами дороги, ребята помалкивали, мучаясь с похмелья, и лишь нервно курили. Городок Белая Церковь, куда нас доставили к вечеру, когда-то тихий и провинциальный, уже год являлся плацдармом для переброски техники и живой силы в район катастрофы. Каждый день тысячи людей по его узким пыльным улицам направлялись в Чернобыль и возвращались обратно. И, честно говоря, вид возвращенцев мне не понравился. Их сразу можно было отличить по черным кру-

гам у глаз и сухому кашлю.

Только днем позже мы добрались до места назначения. Наш полк располагался в еловом лесу по соседству с болотом, на самом краю «мертвой» зоны, окружающей взорвавшуюся станцию. В центре лагеря находился заасфальтированный плац, по одну сторону которого стояли выгоревшие на солнце солдатские палатки, укомплектованные двухэтажными деревянными нарами и осоловевшими ото сна дневальными, а по другую - фанерные офицерские бараки, клуб, столовая, штаб и бани для рядового и командного составов. Нас распределили согласно «прейскуранту» на места убывающих домой «партизан», получивших свою порцию радиоактивной похлебки. Мне припомнили дозиметрические курсы и назначили в роту радиационно-химической разведки. Моим командиром стал недавно вернувшийся из Афгана капитан. За большие печальные глаза на совершенно детском лице ребята дали ему прозвище «Чебурашка». После афганской командировки ему было «всё пофиг». Нехитрую работу в своем подразделении он перепоручил младшим офицерам и, чувствуя себя как на курорте, ждал возвращения домой к семье. На наши расспросы о славном боевом прошлом «Чебурашка», храня военную тайну, только грустно улыбался.

Кроме основной работы по наблюдению за радиационным состоянием территории, наша рота выделяла людей для дежурства в автопарке, отстойнике зараженной техники, на КПП, а также для дезактивации станции. Такое задание счи-

талось «дембельским» - за него полагалось большее количество «радигов» и, значит, быстрее возвращение домой. Работы на АЭС проводились силами десятков полков, личный состав которых радиация перемалывала за пару-тройку месяцев. По вечерам мы все подсчитывали полученную дозу облучения и активно интриговали за наиболее доходные наряды. Для поездки на станцию выстраивалась негласная очередь, хотя вряд ли кто смог бы ее пропустить, даже если бы и захотел.

Работа начиналась ранним утром с общего построения. Нестройными колоннами роты проходили перед командиром полка. Зарядкой мы не занимались, чтобы не глотать вместе с пылью лишней «заразы». После завтрака каждое подразделение выполняло свою особую задачу. Вскоре пришла и моя очередь во главе команды «партизан» прогуляться на АЭС.

С помощью реактивных швабр, энергоемких ведер, электронных тряпок и супер-пупер стирального порошка «Лотос» я со своими «чудо-богатырями» несколько дней кряду усердно драил одно из помещений станции. Но каждое утро радиация вновь оказывалась на прежнем недопустимом никакими нормативами уровне. Я доложил об этом начальству, и комната была опечатана как непригодная для нахождения людей. Нас перевели на новую площадку, и там все повторилось сызнова. Поняв на практике, что борьба с радиацией - дело бесперспективное, я перестал усердствовать и лишь

старался по возможности уберечь людей от лишнего облучения.

Хотя в части и был сухой закон, все же иногда, после отбоя, мы с «господами офицерами» снимали напряжение в дружеской попойке. Однажды на КПП задержали нашего ротного бутлегера Жукова - чернявого злого мужика, везшего в лагерь ящик водки. По тревоге построили полк, и командир самолично провел экзекуцию, разбив все бутылки об асфальт. И хотя осколки подмели, а лужу смыли из брандспойта, ещё несколько дней все с вожделием принохивались к едва уловимому запаху «свободы», витающему над плацем. Наш «контрабандист» отделался легким испугом, зато Чебурашке «надрали уши» за низкую дисциплину во вверенном ему подразделении.

Летели дни. Вместе со всеми, стиснув зубы, я копил «радики» и ждал возвращения домой. Правда, под конец умудрился простыть во время плановой поездки по зоне и несколько дней провалялся с температурой в госпитале. За это время мне подыскали замену среди нового пополнения. Я тепло распрощался с однополчанами и, прихватив в штабе документы да на память выворачивающий кашель, на перекладных воротился в Вишёнки.

Добравшись домой, я сразу же позвонил Маричке, но её в городе не оказалось. Через общих знакомых с трудом удалось выяснить, что, по решению семьи, девушку отправили к каким-то дальним родственникам в деревню.

Итак, всё было кончено. Я ничего не мог с этим поделать... во всяком случае, пока.

*

Новости Вишёнок:

Необычно жаркая погода установилась на территории нашего Княжества. Старожилы не помнят такого со времён добровольного присоединения Вишёнок к Российской империи. Тогда, 200 лет назад, вода в Бычке, ещё полноводном, как Миссисипи, кипела, и варёную рыбу, по словам очевидцев, можно было сразу же подавать к столу. Лавровый лист, соль, леуцан* и головки лука предусмотрительные граждане загодя бросали в бурлящий поток...

Зарубежные новости:

Телекомпания СиБиЭС предложила Пентагону повторить ракетный обстрел Ирака, так как все уже имеющиеся в распоряжении компании видеоматериалы оказались случайно испорченными...

В Прибалтике установлен памятник нацистам.

6. Архивный работник в горячем деле

Апишкульк - высокий, тощий, лысый, словно колено, субъект с большими ушами и мигающими попеременно разнокалиберными глазами стоял перед старинным, венецианской работы зеркалом и, хмурясь, разглядывал свой язык. Тот напоминал покрытую пепельным налётом шершавую губку и явно ему не нравился.

Впрочем, своим здоровьем Апишкульк интересовался мало. Бренная оболочка, которой он обзавёлся ради возложенного на него дела, была лишь ширмой, скрывающей создание высшего порядка - Посланника (в просторечии именуемого Ангелом), эфирную сущность которого волновали совсем иные проблемы.

В данное время, которое его не касалось своим крылом, Апишкульк исполнял обязанности Хранителя при Департаменте Преображения. Помимо этой официальной должности у него была ещё и тайная миссия. Он состоял секретным агентом для особых поручений при САМОМ.

На нынешнее место деятельности Апишкульк был переброшен совсем недавно по личному распоряжению высшей инстанции во Вселенной. До этого он весьма долгое время пребывал в Архивах (подвал Мироздания), где занимался систематизацией и составлением каталога так называемых

Несозданных шедевров. Правда, и туда агент угодил не по своей воле. Когда-то, числясь Вестником при Департаменте Чистой Любви, он успешно выполнил некое тайное поручение САМОГО. А поскольку оно шло вразрез с ЕГО же предыдущими директивами, был, для вида, «с позором лишён крыльев и низвергнут на вечные времена».

Но, к счастью, даже бессрочным ссылкам приходит конец.

Полное название нового места службы Апишкулька было длинным и заковыристым: «Департамент Охраны и Преображения Искры Божьей в Пожар Творчества». По этой причине сами Хранители зачастую именовали себя для краткости «пожарниками». Главной же их задачей было способствовать развитию творческого начала в человеке.

Попав в Департамент, сверхзасекреченный агент был незамедлительно брошен на полевую работу. Но, в отличие от коллег, которым, как правило, определяли под опеку фигурантов в день их зачатия (а порой даже раньше), ему почему-то достался в разработку вполне половозрелый объект.

По правде говоря, решением этой загадки «низвергнутый ангел» особо себя не утруждал. Выполняя с незапамятных пор личные установки САМОГО, он уже давно ничему не удивлялся и теперь вполне довольствовался полученным свыше заданием, согласно которому под личиной «пожарника» должен был приглядывать за подопечным. Простота предписания вполне устраивала агента, поскольку позволяла осуществлять и некоторые личные проекты.

Резиденция Хранителя находилась на крыше облупленной пятиэтажки, стоящей на самой окраине Вишёнок, среди разросшихся кустов жасмина и сирени. Снаружи этот «пентхауз» был похож на обычную голубятню, но внутри представлял собой вполне приличный кабинет с большим арочным окном, заплетённым виноградной лозой, кондиционером и вместительным подпространством, используемым в качестве чулана.

Всё рабочее помещение резиденции было заставлено стеллажами с самой разнообразной литературой. На особой полке здесь размещались сочинения пишущих на «потусторонние» темы авторов. Среди них Апишкульк особенно выделял Николая Васильевича Гоголя, чьи произведения полагал близкими к своей родной необъективной реальности. А его «Вечера на хуторе близ Диканьки» вообще считал чуть ли не списанными с натуры, поскольку и сам как-то по молодости принимал участие в похищении второго спутника Земли.

Помимо печатных книг, тут были также и рукописные свитки, манускрипты, глиняные таблички, руны и берестяные грамоты, а в самом дальнем углу кабинета, символизируя прогресс человеческой цивилизации, ещё и неработающий компьютер.

Свою подведомственную площадь Апишкульк делил с открытым густым тёмно-коричневым мехом, зверьком. Это была выхоль из старой брошюры о размножении в неволе

мускусных животных, когда-то случайно попавшейся ему на глаза. Изображение почти слепой божьей твари так тронуло секретного агента, что он не удержался и вызволил её из бумажного небытия.

Как раз в тот самый момент, когда Апишкульк разглядывал свой язык, выхухоль, смешно морща нос-хоботок, заверещала у его ног, требуя еды. Погладив любимицу по серебристо-белому брюшку, Хранитель выудил для неё из подпространства несколько мелких рыбёшек и уселся за рабочий стол.

Вновь оказавшись «в сферах», Апишкульк, несмотря на индульгенцию, выданную САМИМ, всё время ощущал на себе косые взгляды со стороны других Посланников. Сначала это его угнетало, но потом, сообразив, какие негативные чувства вызывает у своих эфирных соплеменников, махнул на них рукой (крыльев, коими должно махать Ангелу, ему почему-то так и не вернули), и со всей присущей ему энергией занялся своими прямыми (явными и тайными) обязанностями.

Воспользовавшись положением Хранителя, бывший архивариус собирался довести «стандартную схему по работе с потенциальным творцом» до максимального совершенства и этим способствовать повышению его созидательного уровня.

По глубокому убеждению Апишкулька, только всестороннее давление на художника могло спровоцировать того на

творческий подвиг. Правда, в самом начале своей деятельности, суперагент лопухнулся. Стремясь как можно быстрее добиться желаемого результата по Преображению, но начисто забыв об Охране, он, недолго думая, отправил своего подопечного за новыми впечатлениями в Чернобыль, что едва не закончилось для того летальным исходом.

Как ни странно, проколовшемуся пожарнику всё сошло с рук. Он, как ни в чём не бывало, продолжил работу с фигурантом и даже собирался опробовать на том серию новых провокаций. По мнению Хранителя, это должно было в конце концов поставить мазилку в один ряд с признанными мастерами, а его самого сделать непререкаемым авторитетом в области Охраны и Преображения, что, как он в тайне надеялся, могло заставить крылатое сообщество пересмотреть своё к нему отношение.

По древней привычке пошевелив отсутствующими крыльями, Апишкульк взялся за перо. Пока его в очередной раз не засунули в Архивы вдыхать пыль тысячелетий в окружении Несозданных шедевров и Несовершенных открытий, самолюбивый Посланник намеревался тщательно зафиксировать на бумаге всю свою деятельность по Преображению. Он уже сделал некоторые записи в свободной литературной форме и вот теперь, воспользовавшись тем, что его фигурант, наплевав на «высокое искусство», третий день квасил в «Покойниках», собирался их отредактировать.

Апишкульк открыл лежащую перед собой папку, на об-

ложке которой было тиснуто золотом: «Линсу - путь в легенду» и, правя местами текст, перечитал несколько страниц рукописи, в которой из скромности говорил о себе в третьем лице.

7. Записки старого провокатора

«Небо трещало по швам. Звёзды мигали, словно сумасшедшие. Похожая на череп Луна освещала мёртвенным светом пустынное пространство. Дробя камни в крошево, по плоскогорью на предельной скорости мчалась тяжёлая машина. За рычагами управления вездехода в чёрном, измазанном соляжкой, комбинезоне сидел суровый Хранитель и пристально всматривался в линию горизонта. Ещё одна акция была успешно завершена. Избранная им стратегия, определяющим фактором которой было максимальное количество провокаций на единицу времени, должна была вот-вот принести плоды.

Как бы ни был талантлив художник, для творческого роста ему постоянно нужна стимуляция внешними воздействиями. На сей раз таким раздражителем должен был оказаться след гусениц на безлюдном плато. Конечно, мелочь, но, как говорится, капля камень точит. И таких «капель» для фигуранта у Хранителя было припасено целое море.

От избытка переполняющих чувств он, не отрываясь от управления машиной, запел:

«Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю...

Всё, всё, что гибелью грозит,

Для сердца смертного таит

Неизъяснимы наслажденья -

Бессмертья, может быть, залог!»...*

Когда впереди показался гигантский провал, на дне которого мерцало озеро, агент прибавил газу и, не раздумывая, сиганул с обрыва».

- Хороший кусочек получился, особенно в конце, - похвалил себя Апишкульк и записал на полях: «Указать автора стихов».

*

«Сидя на корме челна, служащий Департамента Охраны и Преображения споро работал одним веслом. Когда стелющийся над озером туман наконец рассеялся, он заметил сидящего на камне у самой воды молодого человека. Это был его фигурант. Хранитель нацепил фальшивую бороду, надвинул капюшон на самые глаза и стал выгребать к берегу. Едва только лодка ткнулась носом в прибрежную гальку, агент влияния молча мотнул головой, приглашая своего подопечного на борт. Тот вскочил и, пытаясь надеть кроссовок, смешно запрыгал на одной ноге. Должно быть, сообра-

зив, как это выглядит со стороны, он резко выпрямился и, как был, босиком шагнул в утлый челнок, едва его не перевернув.

Незаметно поправив накладную бороду, пожарник оттолкнулся веслом от берега. «И откуда только такой на мою голову свалился? - размышлял он, - Да разве ж из него что путное выйдет?»

- А вот недоверие к творческим возможностям фигуранта лучше убрать, - решил Апишкульк и принялся вымарывать последнее предложение.

*

«Они сидели около догорающего костра у самого подножья развалин, доставали из багровой золы печёную картошку, обжигаясь, перекидывали её с ладони на ладонь и ели, пачкая губы обугленной корочкой.

Стараясь не подавиться дымящей мякотью, Хранитель вещал. Он пытался зародить в своём подопечном Дух Сомнения, так необходимый каждому настоящему художнику:

- Ты бросишь пить.

Фигурант скривился, как от зубной боли.

- И курить.

Сергей выпустил колечко дыма в звёздное небо.

- Наконец женишься.

Художник только саркастически усмехнулся.

- Ну-ну, это я так, для разминки... А теперь, серьёзно: - Станешь ты знаменитым мастером.

Подопечный безнадежно махнул рукой.

- А вот ещё: в ЦПКО им. Ленинского комсомола дорогих твоему сердцу Вишёнок вскоре состоится Светопреставление. Все билеты уже распроданы, но для тебя специально зарезервировано место в первом ряду.

Носитель Божьей Искры присвистнул, и Апишкульк с удовлетворением отметил, что его сочли за психа...

Гоня перед собой волну, лодка быстро уходила от берега. Стоя по-индейски на одном колене, агент споро махал веслом.

«А парень-то, в общем, ничего, - подытожил он свои впечатления. - Сработаемся!»

На середине озера Хранитель содрал маскарадную бороду и вместе с чёлном вспыхнул синим пламенем».

- Ну вот, теперь меня сочтут любителем дешёвых эффектов! – нахмурился, сидя у себя за письменным столом, Апишкульк.

*

«В питейном заведении было многолюдно и шумно. Стараясь слиться с окружающим «ландшафтом», Хранитель старательно изображал «упившегося в стельку алкаша» - громко храпел, уткнувшись лицом в тарелку с салатом. Прямо у него за спиной сидел фигурант, пил вино и оживленно болтал со своим соседом - старым учителем рисования. Вполуха прислушиваясь к пьяной ахинее собутыльников, Апишкульк прокручивал в памяти полную невзгод и лише-

ний биографию одного известного мастера, жизнь которого по праву считал эталоном подвижничества. Правда, сам художник, в конце концов сошёл с ума, отрезал себе ухо и закончил самоубийством, но... разве это имеет значение теперь, когда к нему пришла воистину мировая Слава? Агент уж было собрался провести некоторые параллели, но ему помешала звезда местного разлива, по прозвищу Отрава, которая, усевшись рядом, стала активно помогать «ничейного мужчину».

Когда солнечные часы на стене показали 10, в кабаке «У трёх покойников» стало на одного посетителя больше. К двум подвыпившим творцам примкнул гордый обладатель капитанской фуражки и знаток яхтенного такелажа.

«Вот теперь и поглядим, как поведёт себя «подопытный», получив реальную возможность уйти в кругосветку, - думал Хранитель, отбиваясь от назойливой дамочки. - Что будет делать, когда Мечта детства схлестнётся с Предназначением. Итак, новая провокация началась».

- А что, не слабо закручено? - довольно хмыкнул Апишкульк. - И Отрава, ну как живая... Вот только с салатом переборщил. Как-то примитивно вышло, неэстетично.

*

«Стуча перед собой сучковатой палкой и старательно натываясь на все встреченные предметы, агент ковылял по ночным Вишёнкам в личине слепого ловеласа. Пересёкшись в тёмном переулке с двумя подвыпившими приятелями, он

попросил указать дорогу к храму.

Через несколько часов блужданий по ночному городу, доведя спутников до белого каления, фальшивый селадон сгинул на автовокзале...

Хранитель мог себя поздравить. Фигурант получил хороший урок по состраданию и теперь был ещё на шаг ближе к пику своего творческого взлета... либо к полному провалу и забвению».

Апишкульк отодвинул исписанный лист, потёр кулаком уставшие глаза и с умилением подумал про себя: «Такой актер пропадает!»

8. Кипишочек

Посланник всё ещё правил рукопись, когда «ожил» отродясь не работавший компьютер, и на экране монитора появилась, озаряя комнату щербатой улыбкой, конопатая физиономия в обрамлении рыжих кудрей.

- Привет, лысый чёрт! - весело выпалил визитёр.

- Был чёрт, да весь вышел, - неприветливо буркнул агент, но тут же радостно вскрикнул, узнав в явившемся ему Ангеле старинного приятеля, с которым был дружен ещё задолго до совместной службы в Департаменте Любви: - Кипишочек, ты ли это?!

- А то! Рад вновь тебя видеть, старина, в наших славных рядах! Я так по тебе соскучился, что ты и представить не можешь.

- Чего же мы по ящику? Давай встретимся вживую, поболтаем!

- Где, когда? - конопатый Посланник забил от нетерпения всеми своими тремя парами белоснежных крыл. - Может, устроим пикник на нашем обычном месте. Как, согласен?

- А... не боишься косых взглядов сослуживцев? - поинтересовался Апишкульк.

- Чёрта бояться - в Архив не соваться, - ответил рыжий старинной поговоркой и засмеялся, да так, что веснушки за-

прыгали не только по его физиономии, но и по всей голубятне.

*

Разгоняя мрак космического пространства, в серебряных канделябрах горели свечи, в полном вакууме витал еле уловимый запах душистого фимиама, а в хрустальных бокалах, несмотря на абсолютный ноль, пенился золотистый нектар.

Закадычные друзья, как в былые времена, устроились на ближней орбите Земли. Справа, сверкая, словно ёлочная игрушка, висела Луна, слева, подмигивая габаритными огнями, делала запланированные манёвры станция «МИР», а прямо под ними, среди звёзд вращалась старушка Земля, за которой скрывалось далёкое Солнце. Посланники смаковали чудесный напиток, любовались открывающимся пред ними фантастическим видом, озарённой бесчисленными огоньками ночной стороны планеты, и впервые за многие тысячелетия непринуждённо «болтали», перекидываясь, словно мячиком для пинг-понга, светящимися мыслями.

Вначале с обеих сторон последовал шквал вопросов, характерных для длительной разлуки. Но если Апишкульк принимал новости Сфер более-менее спокойно, то Кипишочек, слушая рассказы приятеля об Архивах, только и делал, что всплескивал крыльями и закатывал глаза.

Когда же возвращённый «рenegат» выдохся, повествуя о почти шеститысячелетнем изгнании, разговор как-то сам собой перешёл на служебные дела. Речь зашла, разумеется, о

Спасении Бессмертной Души - главной задаче, поставленной САМИМ перед Посланниками после появления первых хо-мо сапиенс. Сам способ достижения этого, заключающийся в сохранении и развитии в человеке, - вылепленном Создателем по своему образу и подобию, - Искры Божьей, вопросов не вызывал. Между друзьями разгорелся спор, каким именно методом добиваться желаемого результата.

- Они и так кожу с себя сдирают, чтобы острее чувствовать, - горячился Кипишочек, - а вы норовите им за шиворот ещё и битое стекло насыпать... Помнишь историю с Композитором? Его Хранитель всё обыграл, как по нотам: ночь, стук в дверь, человек в чёрном и прочее... А Маэстро, создав свой шедевр, взял да и скончался - стресс, хроническое безденежье, опять же семейные неурядицы и, как следствие, злоупотребление алкоголем... А ведь если бы не вмешательство вашего агента, возможно, пожил бы ещё и много чего насочинял.

- Ты знаешь, в Архивах среди так никогда и ненаписанных книг, ненарисованных картин и непридуманых стихотворений, хранятся и несочинённые произведения Композитора. Я имел честь слушать их исполнение на концерте местной самодеятельности. И поверь, его «Реквием» - сильнейший. На положительных эмоциях, за которые ты так ратуешь, далеко не уедешь. Истинный художник достигает максимальных результатов, только если переживает какие-либо потрясения: личную драму, общественно-политические катаклиз-

мы, ну, на худой конец, природные катастрофы - в идеале, конечно, лучше всё вместе.

- Такое мало кто выдержит, - заметил приятель.

- Ты прав. Я достаточно насмотрелся за это время на неприкаемые Души тех, кто не нашел силы исполнить свое предназначение. Уныние - вот их имя.

- Если бы в критический момент к ним пришла настоящая ЛЮБОВЬ, они бы справились со всеми трудностями, - заверил Кипишочек

В это время над ними пролетел Тихий (ангел из Департамента Смерти), и друзья помолчали.

- А помнишь, как ещё молодыми оболтусами плевали отсюда вниз на Землю - проверяли Закон всемирного тяготения? - шелестя тремя парами роскошных крыл, вдруг не без удовольствия припомнил рыжий «зелёное» разудалое прошлое.

- Было дело, - подтвердил Апишкульк. - А потом САМ лично нам пенделей накидал за недоверие к его космической механике и отослал на планету трилобитам хвосты крутить.

- И Департамент тогда всего один был, Чистой Любви, - с умилением, заметил Кипишочек и, помявшись, спросил: - Слушай, а, что, собственно, тогда произошло? Не мог же ты, в самом деле, пренебречь волею САМОГО? Помнится, ты у НЕГО даже в любимцах хаживал.

- Да ты понимаешь, дурацкая история вышла, - Апишкульк покраснел. Отыгравая «легенду», приходилось врать

другу. - Я тогда как раз вернулся с самого края Света, где ладил красное смещение*. В Департаменте Чистой Любви - никого. Вседержитель всю крылатую рать, и тебя в том числе, отправил затыкать чёрные дыры*, а САМ, как всегда, носился с какой-то своей очередной идеей. Люди же - ЕГО новый суперпроект - слонялись без дела по Саду и понемногу дичали. Они хотя и были созданы сразу взрослыми, но в любви и внимании нуждались всё равно, что малые дети. Ну, вот я от нечего делать и решил ими заняться. В общем, первый класс, вторая смена... Помню, как-то учил я Адама в шахматы играть. Он, парень смышлёный, всё хватал налету, и уже вскоре мы с ним затеяли нешуточную баталию. А Евка в это время рядом крутилась и, как могла, нам мешала. Скучно ей, видишь ли, было. То Адаму на плечи взгромоздится, кобыла этакая, то меня начнёт за уши тянуть, а потом ещё и ныть стала: «Персик хочу!» А у нас с Адамом как раз самый разгар партии (если захочешь, я тебе потом ходы сри-сую). Да и персиков нигде поблизости не наблюдалось - не сезон. Это сейчас они на прилавках круглый год, а тогда... Вот я и сорвал не глядя несколько плодов с соседнего дерева. Ну, того самого - запретного. Евке сунул, Адамку угостил, ну и сам, конечно, отведал. Кстати, очень кислый фрукт оказался, недозревший... Кто же знать мог, что наш САДОВОД так из-за этого огорчится? Видите ли, первый урожай ЕМУ не дали попробовать.

- Значит все вышло по недоразумению? И сразу шесть ты-

сяч лет без права переписки! Кошмар! - посочувствовал приятель, но в его голосе явно слышалось сомнение.

Снова пролетел Тихий, и друзья опять помолчали.

- А я, как и прежде, при Департаменте Чистой Любви, - наконец сообщил и о своих собственных делах Кипишочек. - Только теперь Вестником в подотделе Частных сношений, который пришлось организовать после твоего... гм... гамбита. Тружусь, воплощаю в жизнь установку САМОГО от шестого ноль первого: «И сказал ОН им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю...». Вот и корчу из себя амурчика: «поля влюблённым стелю», и браки на небесах устраиваю. Только не понимаю, зачем я там нужен? - и он неожиданно прогундосил голосом клубного лектора: «В весенне-летний сезон у крольчих и кролов проходит бессистемная случка». Тьфу!

- Тяжело тебе приходится! - посочувствовал другу Апишкульк.

- И не говори, - закручинился Кипишочек, но тут же опять оживился: - Да, кстати, мой интерес к Преображению совсем не праздный. Мы с тобой ведь опять в общей упряжке. Поскольку у женщин творческое начало заключается в Любви, мне как крутому специалисту в этом вопросе поручили курировать одну начинающую поэтесску. Сейчас вот подыскиваю достойный объект для стимуляции её вдохновения... Слушай, а твой-то откуда?

- Ну из Вишёнок.

- Это сама Судьба! - пришёл в восторг рыжий. - Давай их сведём вместе.

- Ты и так уже постарался. У него сейчас путаная любовная история. Классический треугольник.

- Это не моя работа! У меня проколов не бывает. А узлы рубить надо.

- Стоит ли? - забеспокоился Апишкульк. - У нас с тобой разные методы воздействия. Я влияю на творческий рост своего подопечного в основном за счёт драматических ситуаций, а ты пытаешься повернуть то же самое, используя исключительно любовную лирику.

- Вот и отлично! - завёлся Кипишочек. - Соединим наших фигурантов и посмотрим, что из этого получится. Хочешь пари? Моя поэтесса в творческом плане обставит твоего художника.

Апишкульк решил использовать последний аргумент в защиту своего подопечного от происков приятеля и он с печалью в голосе поведал Вестнику Любви о том, что Линсу выпивает... в смысле пьёт, как сапожник... то есть, как художник, - до поросячьего визга... так, что себя потом не помнит.

- Это плохо. У моей девочки натура тонкая, возвышенная, ей лишние проблемы ни к чему, - огорчился Кипишочек, но сразу же нашёл выход из положения: - А знаешь что? Давай вызовем команду спасателей из Департамента по Чрезвычайным Положениям. Пусть по полной программе займутся твоим оболтусом. Небось, враз образумится.

- Ладно, лишний стресс ему не помешает, - видя, что крылатый товарищ всерьёз загорелся своей идеей, нехотя согласился агент.

Мимо в третий раз прошмыгнул Тихий. Кипишочек проводил его недобрым взглядом:

- Тот ещё субчик, я его знаю. Наверняка растрезвонит о наших посиделках по всей галактике (он замялся)... Тебе ведь бойкот хотят объявить, старина. Некоторые из наших до сих пор на тебя дуются. Считают, что если бы не ты, то до сих пор валяли дурака в Райских кущах.

- Ну, это их проблемы - хмыкнул Апишкульк и приветственно помахал рукой космонавту, как раз в этот момент выглянувшему в окошко своего космического дома. Тот вытаращил глаза, перекрестился и задраил светонепроницаемую штору.

- Слушай, - слегка помешкав, произнес рыжий, - я, конечно, понимаю, что никому не дано знать, и всё такое, но... возможно ты в курсе, где ОН и что сейчас делает?

- ОН, брат, как всегда, - везде одновременно, - печально улыбнулся Апишкульк, - но в основном, конечно, где-то там, на Земле, среди людей. Их грехи на СЕБЯ взял, жестокие муки вынес, а уйти, оставить тех, кого сотворил по образу СВОЕМУ и подобию, наделил свободой воли и даром созидания, так и не смог. Лично держит за руку каждого умирающего, переносит вместе со своими неврастеничными чадами боль и страдания, тяготы и лишения, которые не может

предотвратить, потому что САМ дал на это право... У НЕГО, понимаешь, Вселенная пошла вразнос, галактики в разные стороны разлетаются, а ОН сидит на Земле, в каком-то медвежьем углу и страдает за всё человечество... Мне порой кажется, что в этом ЕГО слабость.

- В чём? - изумился приятель.

- Во всемогуществе. ОН не в состоянии изменить принятого решения, ибо всегда прав. И отказаться от Любви, СВОЕЙ сущности, тоже не может, - это означало бы поражение, а такое в принципе невозможно... Уф, заговорил я тебя, старик. Это ведь только моя гипотеза. Ну что, давай ещё по маленькой... и в школу не пойдем!

9. Вдохновение

Сегодня утром я неожиданно проснулся в своей мастерской, причём совершенно один и трезвый как стёклышко. Такого со мной уже давно не бывало. Что-нибудь, да нарушало это «святое триединство». То постель была не моя, то рядом кто-то сладко посапывал, а то накануне водка мешалась с пивом. Воспользовавшись предоставленным судьбой случаем, я решил немного поработать. Но для этого мало одного желания, нужно, как минимум, ещё и вдохновение. И вот, в ожидании пока на меня «снизойдет», я принялся усердно перелистывать альбомы с набросками, перебирать этюды и разглядывать фотографии.

Помимо «спускового крючка», приводящего в действие фантазию, архивные материалы, разбросанные сейчас по всей мастерской, служили мне своеобразным дневником, возвращающим в прошлое не хуже пресловутой машины времени. К тому же, они и сами порой несли отпечаток произошедших когда-то событий. Так, например, на одной из работ были заметны следы дождя, под который я угодил много лет назад на пленэре у моря, на другой остались пятна копоти от дыма давно прогоревшего костра, на третьей...

Я остановился на пригорке, стянул с плеча этюдник и огляделся. Мягким ковром устилал землю бордовый ягель, над головой шумели кронами золотые лиственницы и голу-

бые ели, а прямо передо мной лежала бездонная старица,* где в отражении облаков, среди облетевшей листвы, плавали, обнявшись ветвями, рухнувшие берёзы. Я потрепал по голове увязавшегося за мной хозяйского пса и принялся устанавливать этюдник. Потом не теряя зря времени, быстро смешал краски и начал тыкать кистью в картон, стараясь удерживать ускользающее в вечность мгновенье.

Отвлекая от работы, над ухом назойливо зазвенел комар, и уже вскоре я был атакован целой эскадрилей этих маленьких кровососов. Пришлось воспользоваться спецсредствами: натянуть припасённые для такого случая велосипедные перчатки, намазаться кремом «Тайга», а на голову нахлобучить полиэтиленовый кулек с дырками для глаз.

Примостившийся рядом пёс с удивлением поглядывал в мою сторону. Во взгляде его умных карих глаз явно читалось: «А не спятил ли ты часом, дружок?».

Наскоро завершив работу, я занялся костром. Но едва успел разжечь огонь, как начал накрапывать дождик. Забравшись под этюдник, я размял сигарету и прикурил от тлеющей головешки. Горьковатый аромат табачного дыма смешивался с духом влажной земли, запахами хвои и свежей масляной краски. Усиливающийся дождь постепенно размывал очертания окружающих предметов, делая их зыбкими и нереальными...

Зажжённая в моей памяти сигарета потухла. Я забычковал её и пригляделся к своему сибирскому этюду. В его уг-

ду виднелась черная точка. Это злосчастный комар навсегда «влип в историю»...

Внезапно я почувствовал, как проскочила долгожданная искра творчества. Во мне запылал всепоглощающий огонь вдохновения. Я бросился к чистому холсту, торопясь запечатлеть теснящиеся в голове образы, вызванные воспоминаниями. Казалось, одно усилие и...

В дверь бесцеремонно постучали. Отрабатывая харчи, из-под кровати остервенело залаял Аттила. Пришлось открыть. В палисаднике оказался какой-то пьянчужка.

- Слушай, художник, тебе холст нужен? Вот, за червонец отдам, - напористо предложил он, но, глянув в мою неприветливую физиономию, поспешно сбросил цену. - За пятак, шеф. Пятак на бутылку, святое дело. Ну же!

Не желая терять драгоценное время, я сунул ему в руку требуемую купюру, выхватил сверток и, вибрируя от нетерпения, вернулся к работе. Но не успел взять в руки уголь, как раздался телефонный звонок. Я поспешил к аппарату, в надежде, что это наконец объявилась запропавшая Маричка.

- Серж, привет! - раздался в трубке жизнерадостный женский голос, но отнюдь не тот, что я ожидал. - Ты что делаешь?

- Познаю самого себя, - буркнул я.

- А почему в одиночестве? Приезжай. Ко мне Катька с Андриешем пришли, будет весело.

Я на секунду представил, чем могут закончиться такие по-

сиделки, и оскорбил женщину отказом: - Извини, не могу!

На том конце провода обиженно замолчали, потом в динамике захрипел мужской голос:

- Старик, ты что, офигел? Я же с ними двумя не справлюсь.

- Андрюха, держись, мысленно я с тобой, - сказал я про никновенно и повесил трубку.

Не успел я даже выругаться, как в дверь опять забарабанили. На сей раз на пороге стояли «черти». Из-под вывернутых мехом наружу тулупов торчали зеленые коленки соседских пацанов. Ряженные корчили страшные рожи и кричали:

- Крэчун феричит! Крэчун феричит!*

Обильно посыпав меня зерном, они вразнобой стали колядовать:

- Сэ ынфлориць ка мерий, ка перий, ла анул ши ла мульць ань!*

- Да разве уже Рождество? - удивился я.

- Мы репетируем, - пояснили юные авантюристы, подставляя мешок для гостинцев...

Потом в полдень с Крита по международной линии позвонила бывшая сокурсница и дала послушать «в прямом эфире» перезвон православных колоколов, летящий над далеким островом в Средиземном море.

Затем в районе холодильника меня окружили хвостатые «домочадцы». Я вырвался из засады, оставив на поле боя соиску, и тут же подвергся «нападению» туалетного бачка. Де-

монстрируя полное пренебрежение к правилам хорошего тона, он зафонтанировал самым наглым образом. С горем пополам справившись со стихийным бедствием, я наконец-то добрался до своего всё ещё девственно чистого холста и... с ужасом осознал, что запас вдохновения иссяк. В отчаянии я поломал кисть и уж было хотел застрелиться, но здесь позволила запропавшая Марика. Со скорбью в голосе она объявила, что уезжает на несколько дней к родственникам, как всегда заверила, что любит, жить без меня не может, и передала трубку Дашке. Следующие полчаса я сочинял небылицы, мяукал, хрюкал, лаял, загадывал загадки и на пару с дочерью пел песенки из мультфильмов. Моя козочка, белочка, мышка смеялась от восторга, посвящала меня в свои детские секреты, декламировала смешные стишки и упрашивала пойти кататься на карусели.

Когда в трубке раздались короткие гудки, я долго ещё прижимал её к уху, терзаясь ревностью и проклиная себя за малодушие. Однако теперь у меня были развязаны руки. Стало возможным отключить телефон, закрыться на все замки и ещё раз попытаться заняться работой. Я уж был готов осуществить свой дерзкий замысел, но... опять ничего не вышло. Оттеснив меня в сторону, в мастерскую, проскакал небольшой табун длинноногих девиц. В комнате сразу же стало тесно от молодых и горячих тел. Пока я, ошалев от такого вторжения, хлопал глазами, на пороге, смеясь, появился мой одноклассник. Как оказалось, он умудрился при-

тащить ко мне дев из балетной труппы городского театра. Я понял, что с этим уже ничего не поделаешь, и решил стойко перенести «подарок судьбы». До поздней ночи я флиртовал со всем этим «гаремом», оптом и в розницу отбивая девчонок у друга-соперника. Казалось, что все тайные эротические фантазии, посещавшие меня когда-то в юности, обретают реальное воплощение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.